

ВАЛЕНТИН ГНАТЮК, ЮЛИЯ
ГНАТЮК, МИХАИЛ ЗАДОРНОВ

РЮРИК. ПОЛЁТ СОКОЛА

Валентин Сергеевич Гнатюк
Юлия Валерьевна Гнатюк
Михаил Николаевич Задорнов
Рюрик. Полёт сокола
Серия «У истоков Руси», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6060072
Рюрик. Полёт сокола : роман / М. Задорнов, В. Гнатюк, Ю.
Гнатюк: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-0756-1

Аннотация

Середина IX века. Северную Словению раздирают междоусобицы. Престарелый новгородский князь Гостомысл понимает, что для спасения Руси необходимо её объединение. Четыре сына Гостомысла погибли в войнах и от болезней. Остались три дочери. Волхвы и старейшины не хотят видеть наследником престола старшего княжеского внука Вадима, крещённого в латинскую веру, который к тому же водит дружбу с норманнами. Гостомысл видит вещий сон, по которому наследовать власть должен Рарог, внук средней дочери Умилы, вышедшей замуж за ободритского князя Годослава. Князь Гостомысл отправляет гонцов к варягам-

руси и призывает Рарога с братьями Трувором и Синеусом принять княжение в Новгороде.

Это повествование о том, как воссоздавали и защищали Новгородскую Словению Рарог и его верный воевода Ольг, о дружбе и предательстве, о храбрости и трусости, о великой любви Рарога и Ефанды и об истоках Северной Новгородской Руси. Наследники Рарога-Сокола, – Игорь, Святослав и их потомки расширили её пределы до Киева, Хорсуни, Синего Дуная и Священной Ра-реки, объединив Великую Русь, как завещал князь Гостомысл по воле великих богов и пращуров.

Содержание

Предисловие	6
Слово к читателям	10
Пролог	19
Часть первая	30
Глава I	31
Глава II	81
Глава III	129
Глава IV	151
Глава V	162
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Михаил Задорнов

Рюрик. Полёт сокола

© Задорнов М.Н., Гнатюк В.С., Гнатюк Ю.В., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Предисловие

Издательство «Вече» начинает издавать серию книг об изначальной истории Руси. Откроет эту подборку роман, который мы написали с Юлией и Валентином Гнатюками, «Рюрик. Полёт сокола».

Юлия и Валентин живут в Днепропетровске, изучают историю славян, а не выдумывают её. К сожалению, из-за того что история сознательно замалчивалась, а порой и уничтожалась, как во времена царствования немцев Романовых, так и в советское время, много развелось фантазёров на эту тему.

Юлия и Валентин Гнатюк – авторы ряда книг по древнеславянской тематике, среди которых и роман о Святославе, внуке Рюрика.

Конечно, это произведение художественное. И всё-таки... Сказка – «ложь», да в ней – правдивый намёк: и этот намёк – всем *добрым молодцам* урок!

Особо придирчивых – а таких нынче с появлением Интернета немало – предупреждаю: бессмысленно сверять по имеющимся летописям даты рождения отца Рюрика, его деда Гостомысла и самого первого князя Руси.

Нами просмотрено немало источников. Даты всех главных событий в летописях различных авторов и

хроникёров разнятся. Это понятно: каждый автор пытался угодить власти. Поэтому в византийских записях мы встречаем одни датировки событий, в русских – другие, а в Мекленбургских генеалогиях – третьи и так далее... Список несовпадений бесконечен!

Ещё каждому читателю необходимо знать, что летоисчисление в те времена у наших предков велось по календарю славянскому, в западноевропейских странах – по юлианскому, у евреев – по библейскому... Вскоре в Западной Европе перешли на календарь григорианский, славяне же продолжали пользоваться родным календарём до Петра I. Пётр I провёл реформу и перевёл Россию на календарь... юлианский! При том что от него за два с лишним столетия до этого в Европе уже отказались.

Представляете эту календарную неразбериху?!

Вот так *общий знаменатель* событийного ряда был навсегда утерян. Так что сверять различные летописи – дело неблагоприятное. А вот вывод можно сделать вполне определённый: ошибка закралась минимум до пятидесяти лет. Недаром, как полагают многие сегодняшние учёные, дату образования Руси надо отнести на несколько десятилетий назад.

Этой ошибкой, накопленной летописцами и хроникёрами, вполне можно объяснить множество несуразностей в истории нашей Отчизны. Как это так: княгиня

Ольга родила Святослава чуть ли не в старости, Рюрик пришёл править на Русь, когда ему было более семидесяти лет, а русский флот из двухсот лодий был построен за две недели и появился у стен Константинополя, когда самой Руси ещё не было?

Похоже, читателям, которые интересуются историей нашей Родины, скорее помогут разобраться, где было, а где небыль, не учёные, которые пытаются угодить власти, а писатели. В серию романов мы решили включить только те книги, авторы которых изучали события, прежде чем описывать их.

Да, многие пользовались легендами, мифами, а также апокрифами. Но что такое апокриф? История, не признанная форматными учёными. Неформат! То есть то, что не угодно власти. К примеру, мои концерты перед выходом на экран редактируются целой *своей* телепродюсеров – из рассказов вырезаются самые острые шутки и мысли, которые могут якобы обидеть правителей, то есть самая-самая правда. Вот эти *вырезки* и есть апокрифы!

Подборку романов мы с издательством делали тщательно. Задача была конкретная: читая наши книги одну за другой, читатели должны восстановить в своей голове ту правдивую цепь событий, которые произошли на самом деле.

К примеру: почему Византия узнала о русах ещё до

образования Руси или почему русы ненавидели Византию и Рим и неоднократно военными походами к Константинополю предупреждали, что пора прекратить относиться к славянам как к своим рабам.

Интересна в романе «Белые лодыи» история о том, что словенские письма существовали до святого Кирилла и святого Мефодия и что они были подарены Кириллу в Херсоне одним из русов... Этот факт упоминается в древних записях.

Девиз нашей подборки: **«Познавать историю не по скучным учебникам, а по увлекательным романам!»**

Совесью России всегда были не политики и не те, кто за ними записывает, а писатели, потому что писатели в отличие от политиков и учёных всегда относились с уважением к своему народу и чтили народные знания.

Ну и начать *обучение* мы решили, естественно, с того события, без которого не было бы ни Руси **тогда**, ни России **сегодня**, – с прихода Рюрика на Русь. Кем он был? Как неожиданно сложилась его судьба? И почему в течение нескольких столетий русские правители с гордостью называли себя в честь великого предка Рюриковичами?

Михаил Задорнов

Слово к читателям

Дорогие друзья!

Замысел данной книги, как и популяризация темы о Ророге-Рюрике, принадлежит Михаилу Николаевичу Задорнову.

Наша совместная работа над воплощением идеи в художественную форму была увлекательной и непростой. Крайняя недостаточность исторических сведений и полуполегендарная личность главного героя породили большое число версий происходящего в тех далёких временах. Мы выбрали свой вариант, основные ключевые точки которого считаем необходимым пояснить.

Прежде всего – возраст Ророга-Рюрика. Более-менее точно известна только дата смерти – 879 год. Отцом его считается ободритский князь Годослав, Годолуб, Годелайб (в немецкой транскрипции Годлав), которого в 808 г. казнили датчане после взятия города Рерика. Значит, Рюрик родился около 800 г. Но к моменту смерти (879 г.) у него остаётся малолетний сын, что является маловероятным. И зачинать детей, и создавать новое государство мог только муж, полный силы и здоровья. Та же ситуация и с княгиней Ольгой, которая рождает Святослава на шестом десятке лет.

Налицо явный сдвиг в хронологии. Где-то затерялись, как минимум, четыре десятка лет.

Поэтому мы обратили внимание на ещё одну запись. «В 844 г. был казнён франками король ободритов Гостомысл (Густимусл), после которого правил Рёрик».

Но Гостомысл известен как новгородский князь, который умер своей смертью в 860-е гг., и после него принял власть Рюрик. То есть сдвинуто или перепутано также место действия.

Мы позволили себе предположить, что в 844 г. был казнён ободритский князь Годослав, отец Рюрика, который мог быть внуком убитого в 808 г. Годолюба (Годлава). Тогда дата рождения Рюрика около 840 г., и в Новгород он приходит 22-летним молодым воином. Если посчитать по-другому, исходя из возраста Гостомысла, который умирает в 860-х гг., дочери у него могли родиться в 20-х гг., а внуки опять же в 40-х.

Второй важный момент – происхождение Рюрика. В последнее время у исследователей набралось достаточно веских аргументов в пользу того, что наш Рюрик и Рорик Ютландский личности совершенно разные, хотя и могли пересекаться в одном историческом времени.

Что касается верного соратника Рюрика, а потом и его родственника Ольга, нас привлекла версия его

происхождения из рода кельтских жрецов-друидов.

В книге разграничиваются понятия «варяги» и «викинги». В русских летописях однозначно утверждается, что «варяги» есть «русь» с берегов Варяжского (Балтийского) моря. Они такие же словене, как и новгородцы, «варяги мужи словене», – отмечает Первая Новгородская летопись. О том же говорят и скандинавские саги, относя «верингов» или «варангов» к народам Восточных земель, т. е. территории юго-западной балтийской Руси. Сами древние скандинавы, норманны, викинги (от «вики» – залив, фиорд, «викинги» – жители фиордов) отмежевываются от принадлежности к «верингам», и лишь современные историки упорно ставят между ними знак равенства. Интересно, что исследователь А.Ф. Гильфердинг производит слово «вагр» от санскритского «вагара» – храбрый, удалой.

Народы варягов-руси делились на четыре основных племенных союза: вагры, ободриты, руги (раны, руяне) и лютичи (или вильцы). Все они были удачливыми и храбрыми воинами, мореплавателями, земледельцами и торговцами. Ходили в разные земли, были хозяевами на своём море, названном по их имени Варяжским, а торговый путь из Балтики в Византию именовался путём «из варяг в греки».

Однако ободриты и лютичи находились в противо-

стоянии и вели друг с другом бесконечные войны, «из-за давней вражды», как отмечают франкские хроники. Не в этом ли кроется разгадка древней летописи, повествующей сначала о приходе варягов и наложении дани «по беле и веверице» на чудь, словен, мерю, весь и кривичей (859 г.), затем об изгнании варягов (862 г.), и тут же о призвании на княжение Рюрика с братьями.

Воюя против соседей, лютичи вступали в союз с данами и саксами, а ободриты были союзниками франков. Посему неудивительно, если те же лютичи или руги, на долю которых приходилась третья часть всей воинской добычи, ходили за данью к словенам на Новгородчину. *«Русы нападают на славян, – свидетельствует Ибн-Русте, – подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают в плен...»*. Гардизи сообщал о русах следующее: *«Всегда сто-двести из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся... Много людей из славян... служат им, пока не избавляются от зависимости»*.

Так что иные из варягов не брезговали сходить за данью к своим родичам. Поэтому новгородские посланники и обратились за помощью к князю Рюрику, происходившему из ободритов, тех варягов-руси, кто мог судить «по Ряду и по Праву» и дать достойный

отпор прочим охотникам за данью.

Не менее загадочной фигурой является и киевский князь Аскольд, полемика о котором начинается с его имени (от скандинавского Haskuldr до племенно-го самоназвания поднепровских жителей «сколотов»), продолжается вопросом «тандемного» правления с киевским князем Диром и заканчивается смертью от руки Олега Вещего за самозванство («не князя вы, и не княжьего рода»).

Кстати, арабский географ аль-Масуди (сер. X века) знает только одного князя: *«Первый из славянских царей есть царь Дира, он имеет обширные города и многие обитаемые страны, мусульманские купцы прибывают в его землю с различного рода товарами»*.

Интереснейшие сведения о том, как Аскольд стал киевским князем, приводятся в «Велесовой книге» (ВК), источнике, не признаваемом большинством современных учёных. Однако, на наш взгляд, данная версия имеет право быть, поскольку объясняет многие несостыковки и откровенные «переписки» в других летописях.

О приходе Аскольда в Киев в ВК говорится следующее: *«Вот Аскольд с варягами идёт к нам, и этот Аскольд есть враг наш. Он говорит, что идёт защищать нас и лжёт, поскольку он такой же враг, как*

и греки. Этот Аскольд есть варяг, вооружившийся для охраны эллинских купцов, которые приходят к Непре-реке. И этот Аскольд пришёл к нам с кнудием (возможно, от сохранившегося в голл. и нем. Knecht – «наёмник») через двести лет после Алдореха и захотел править нами. А Дирос эллинский сказал подчиниться ему, поскольку он прежде него сел на престол (киевский). И тогда Аскольд убил Дироса, и сам занял место то. И также он враг наш, и не хотим его, как врага. Старые предания рассказывают, что приходил на Русь иной Аскольд и что было три Аскольда-варяга. И те варяги приносят жертвы по-своему. И не наши они, а чужие князья; и даже не князья, а простые воины, что силой захватывают над нами власть. И вот Рюрик идёт... Был в своё время Дирос, и был тот греколанец, и он исчез. Пришли на нас Аскольд и Рюрик, и я молю Богов избавить Русь от этого зла» (ВК, дощ. 29).

То есть налицо первое несоответствие с ПВЛ, по которой Олег убивает обоих киевских князей – Аскольда и Дира – в 882 г.

По свидетельству ПВЛ, в 866 г. «ходили Аскольд и Дир на греков... перебили много христиан и обступили Царьград двумястами кораблей». Но в результате молитв и вынесения риз Пресвятой Богородицы свершилось чудо: поднялась буря, разметала и раз-

била корабли русов, и мало кто воротился домой.

Согласно ВК Аскольд ходил на греков один. *«Аскольд посадил своих воев в лодии и пошёл грабить других. Сказал, что идёт на греков, чтобы уничтожить их города и принести жертвы богам в земле их»* (ВК, дощ. 8/27). Дир не называется в качестве организатора похода, мало того, ВК говорит, что «Дирос был греколанец» и «Дирос еллинский», то есть византиец. Уж каким образом византиец оказался на киевском престоле, ВК умалчивает, но он действительно не стал бы ходить против своих!

Пользуясь неудачным походом, византийский двор предпринял все средства влияния на Аскольда и его окружение, дабы они приняли крещение. Им было показано не сгорающее в огне Святое Евангелие, описано «чудо» с ризами Богородицы, и прочие «средства идеологического воздействия», в которых Византия была столь искусна. *«Аскольд – тёмный воин, а нынче греками “просвещён”, что нет никаких русов, а только варвары»* (ВК, дощ. 6-Е).

Греки настолько успешно «просветили» Аскольда, что он, вернувшись на Русь, стал активно бороться с «варварами». Первым делом убил Диру и стал насильно крестить русов. *«Аскольд убил Диросу, и сам занял место то»* (ВК, дощ. 29). *«Аскольд силой разгромил князя нашего и победил его. Аскольд после*

Дира уселся, как непрощенный князь, и стал править нами» (ВК, дощ. 6-Е).

В «Окружном послании» константинопольского патриарха Фотия восточным патриаршим престолом, посвященном созыву Собора в Константинополе (867 г.), упомянуто, что в результате этого похода произошло крещение Аскольда, его бояр и дружинников епископом, посланным патриархом Фотием, называемое первым крещением Руси (Аскольдовым или Фотиевым). Предполагается, что христианским именем Аскольда было имя Николай (Никола).

Факт убийства Аскольдом Дира не приводит ни одна из последующих славянских летописей. Да это и немудрено, ведь большинство летописцев были монахами или просто христианами, и рассказать, что первым поступком новокрещёного Аскольда было убийство, — значит поставить под сомнение само влияние таинства крещения на человека. Христианин просто не мог совершить подобного деяния! Поэтому летописцы и замалчивают сей факт, перенеся убийство Дира вместе с Аскольдом во времена Олега Вещего, пришедшего в Киев лишь в 882 г. Но тот был язычником, и потому на него можно «навесить» убийство не одного Аскольда, но и Дираса.

Есть смелые предположения Б.А. Рыбакова о наличии в Древней Руси «Аскольдова летописания», све-

дения из которого и дошли до нас в составе Никоновской и Иоакимовской летописей. В них содержатся уникальные сведения о событиях 870-х гг.: бегство части новгородской знати от Рюрика к Аскольду в ходе борьбы за власть в Новгороде, гибель сына Аскольда в борьбе с болгарами в 872 г., походы Аскольда на полочан в 872 г., кривичей (где Рюрик посадил своих наместников) и печенегов в 875 г. А поход руси на Царьград (860), отнесённый «Повестью временных лет» к 866 г., датирован 874–875 гг.

Многие из этих, вероятно неоднозначных, фактов мы позволили себе использовать в данной книге, о чём и извещаем читателей, дабы они не упрекнули нас в голословности и надуманности.

Тем не менее просим учесть, что данный роман – не документальное историческое исследование, а художественное произведение, ставящее целью показать общую картину становления Новгородской Руси и её взаимоотношений прежде всего с Балтийской и Киевской Русью в середине – конце IX века н. э.

С глубоким уважением Юлия и Валентин Гнатюк

*1150-летию вокняжения династии
Рюриковичей посвящается*

Пролог

Болотный меч

Добыча руды в болоте, куда ударила Перунова молния. Изготовление особого меча, который Годослав, ободритский князь, кладёт в колыбель своему сыну Рарогу.

Ночь, ветреная и сырая, разразилась невиданной грозой. Вместе с небесными потоками к земле время от времени неслись раскалённые добела Перуновы стрелы. Одни, полыхнув в полнеба, гасли, утратив огненную силу, другие вонзались в земную твердь, отдавая ей свою небесную мощь. Вокруг так грохотало, блистало и щедро лило, что, кажется, всё живое от страха схоронилось в своих норах, дуплах, пещерах.

Но вот на взгорке у края болота слышались движение и чей-то говор. Кто из смертных живых существ осмелился выйти прямо под грозные огненные стрелы могучего бога?

Ватага рудокопов на берегу вовсе не замирала от благоговейного страха, но, напротив, радостно и возбуждённо обменивалась возгласами, будто заряжаясь грохочущей мощью неба. Хлёсткие струи дождя с шумом ударяли в плащи из рыбьей кожи, но люди

зорко следили, куда угодят те божьи стрелы, что достигали заливаемого потоками тёмного лика земли.

– Эх, братья, знатно отец наш Громовержец небеса разверз своими огненными мечами, льёт-то, льёт как, будто всю небесную влагу на землю решил низвергнуть! – воскликнул, перекрывая небесный грохот и водный шум, коренастый рудокоп.

Огненные сполохи то и дело вырывали из темени очертания деревьев, островков, кочек. Наконец главарь ватаги взволнованно указывает рукой туда, куда раз и другой ударил целый пучок Перуновых стрел.

– Вон, у той одинокой осины, – радостно кричит он, – видали, как садануло-то? Целый сноп божьих молоний!

– Видали, Рудослав, как не узреть такое. Слава Перуну огнекудруму, подал знак заветный... – заговорили разом несколько голосов. – Айда к лодье, живее!

– Навались, други, на вёсла, одесную держи, ещё чуток, вот теперь ладно, так и правим! – перекрикивает шум грозы уже сорванным голосом радостный Рудослав.

Отчаянные рудокопы тут же плывут к тому месту, видят горящую осину на небольшом холмике. Высаживаются на островок, достают заступы и проворно копают ещё тёплую грязь у корней.

– Чего застыл, Хлыст, – окликает старый рудокоп

молодого долговязого отрока, – отмечай ямками руду болотную!

– Так ведь боязно мне, – честно признаётся молодой рудокоп, что впервые отправился со старшими за болотным железом, – молонья-то и нас поразить может, ежели снова в сей пригорок ударит?

– Запомни, Хлыст, – снова обернулся к нему старый сгорбленный рудокоп, с усов и небольшой бороды которого ручьем стекала небесная влага, – всякий настоящий кузнец есть Перунов сын, и ему не страшны отцовы небесные стрелы. Зато из руды, что добыта в означенном месте, можно такой меч выковать! Особливый меч, я тебе реку, которому все прочие не чета будут!

Утро после бурной грозовой ночи выдалось тихим и совершенно мирным. Щебет птиц и розовая дымка на восходе ещё не показавшегося солнца пробудили рудокопов, которые спали прямо на земле, завернувшись в свои плащи из рыбьей кожи. Рудослав, едва приоткрыв очи, сонно вытянул длань из-под плаща. Дождя не было. Умытая ночным ливнем земля была наполнена влагой, но чистое алое солнце меж тем уже выслало первые лучи из-за туманного виднокрая. Тряхнув головой, чтоб разогнать остатки сна, глава ватаги рудокопов встал и несколько раз со вкусом потянулся своим сухощавым жилистым телом. Зачерпнув

тёмными прокопченными дланями воды из чистой лужицы, омыл чело и ланита.

– Просыпайся, люд, – глядеть будем, чего нам повелитель молний ночью послал! – громко позвал он сотоварищей. Те стали с шелестом выпрастываться из-под своих плащей, что ежи из-под листвы.

Рудослав же поспешил к вырытым ночью ямам.

– Гляди, какая вода рудая! – радостно воскликнул он. – Давай, братцы, снимай дёрн!

– А я пока со стороны берега порою, тут ведь самые молоньито и были, – молвил старый рудокоп, подходя к срезу у воды, где торчали корни.

Некоторое время рудокопы сосредоточенно снимали верхний слой земли.

– Рудая земля пошла, тяжёлая! – воскликнул старшой.

– А у меня камни, копать тяжко! – расстроился молодой.

– Эге, да ведь ты рудные камни нашёл, Хлыст! Повезло новичку! Благоволит к тебе Отец Небесный, а ты боялся! – заметил старый рудокоп, и молодой расплылся в довольной улыбке.

– А ну-ка, Хлыст, сообрази костерок да завари травы доброй, чтоб силы прибыло для работы! – повелел Рудослав. Подкрепившись житным хлебом да вяленой белорыбицей, ватага принялась за прерванное

дело.

Пошёл обычный нелёгкий труд по извлечению болотной руды. Не одну седмицу копали её, подсушивали, выжигали на кострах коренья трав да остатки торфа, мельчили, просеивали. Потом собирали полученную железную зернь в короба и грузили на свои широкобокие лодьи.

Первую зернь в отдельном коробе привезли лучшему ободритскому кузнецу. Немногословный, среднего роста, с серебром в висках и пропаленном в некоторых местах кожаном фартуке, подошёл он к привезённой зерни, поглядел, потрогал рукой, набрал в длань и молча взвесил, определяя тяжесть. Потом перевёл взгляд глубоких очей на рудокопа.

— Речёшь, с того самого места, куда молонья ударила?

— Истинно, с того места, брат Ладомир, — кивнул Рудослав.

— Дак трижды ударила! — не сдержался Хлыст.

— Будет Болотный меч! — кратко молвил кузнец, повернувшись к высокому в добротной одежде знатному воину. И ушёл, более ни на кого не глядя и не проронив ни слова.

— Коль слово дал, точно сделает, — кивнул Рудослав знатному воину. — А лепше него никто и не сможет. Так-то, Добромысл! Речёшь, сей Болотный меч — по-

дарок самому князю Годославу?

— Брат мой двоюродный первенца ждёт, так что наперёд ничего не буду ему сказывать. — И Добромысл протянул главе рудокопов сафьяновый кошель.

— А чего он ушёл, не рёк ничего? — удивился Хлыст, кивнув в сторону кузнеца.

— Такая работа чистоты души и помыслов требует, — наставительно пояснил главный рудокоп. — Он теперь уже до того, как скует крицу, ничего есть не будет и речь ни с кем не должен, даже подручному будет только знаками указывать.

— Ого! — изумился молодой рудокоп.

— А ты думал, не каждому кузнецу выпадает честь сварганить меч из Перунова железа. Тут особое дело, волшба. Нельзя, чтоб огненная нить, молнией самого Громовержца протянутая, прервалась, такой меч только под оком мастера и беседой с железом должен исполнен быть!

— А поглядеть можно? — загорелся Хлыст.

— Сказано тебе, тайна есть сие действо, никому стороннему того ведать не положено. Даже лучший ученик не всё разумеет, так-то, а ты поглядеть!

В княжеском тереме царила радостная суэта. На лице самого князя Годослава не осталось и следа от обычной суровости, он был озарён счастливой улыб-

кой. Ещё бы, нынче у него родился первенец, да ещё и сын, наследник, воин! Оттого грозный ободритский князь был готов скакать и смеяться словно дитя.

— Ого-го, — с порога загремел трубным своим гласом двоюродный брат Добромysl и сгрёб его в могучие, будто клещи, объятия. — С первенцем тебя, брательник, с наследником, ух, и молодцы вы с Умилою!

— Да тише вы, громогласные, не на поле брани, зашнул богатырь-то! — шутливо-строго пожурела их молодая мать, которая ещё слабым шагом вошла в гридницу в новой расшитой рубахе и уложенными по-женски русыми косами на голове.

— Умила, твой сын — будущий воин, ему шум сражения, что песня! — молвил Добромysl, смирив свой глас и незаметно подмигнув князю. — Ты лучше покажи мне племянника!

— Коли тихо поведёшь себя, покажу, — улыбнулась молодая мать.

— Ой, погоди, я же тебе подарок приготовил, — встрепенулся Доброслав, протягивая роженице небольшой берестяной короб искусной работы. — Вот лунницы серебряные покровительницы женской богини Макоши и обереги, рекут, от серебра молоко прибывает.... — Вслед за Умилой они с князем прошли в небольшую уютную светёлку, стараясь ступать неслышно.

— Красавец, — прошептал Добромysl, — как есть

красавец, вылитый отец!

– А по-моему, он более на Умилушку похож, – тоже шёпотом возразил счастливый отец, прижав к себе легонько на миг светящуюся от радости жену.

– Эге, Годослав, у меня и для тебя подарок есть, да какой!

– Знаю я вас, мужей, небось, конь или клинок какой заморский, – тихо промолвила, улыбаясь, Умила.

– А вот и не заморский, а нашего самого лучшего кузнеца Ладомира. – Он поманил брата назад в гридницу. – Огнеяр, – негромко кликнул, отворив входную дверь, – неси!

Молодой ладный стременной бережно подал своему начальнику меч в червлёных ножнах.

– Вот, брательник, держи! – Добромысл, взяв меч, на вытянутых руках протянул подарок Годославу. – Рудокопы рекли, что Перунова молния ударила в то место, откуда взяли руду для сего меча.

Князь так же бережно принял меч, наполовину вынул его из ножен и узрел на блестящем полированном до зеркальности клинке руну рода «R» у рукояти и родовой знак разящего сокола. Змеевидный рисунок по долу клинка лучше всяких слов рассказал опытному воину об истинной ценности подарка.

– Ух и добрая харалужина! А работа-то, работа! – восторгался князь, полностью извлекая клинок и лю-

буясь отражением на его гладкой, будто литой поверхности. Дякую, Добромысл! – растроганно обнял брата Годослав. Потом оборотился с горящими от восторга очами к жене. – Гляди, Умила, разве ж может какой франкский или даже арабский клинок с чудом сим сравниться?

– Истинно, брательник, равных нашим мечам нет, они и гнучки, и крепки невероятно, а зеркального блеска клинков и вовсе никому в свете не добиться, ведь полировочный камень для такой работы только тут у нас, в устье Лабы нашей, имеется.

– Ой, по мне клинок и клинок, – пожала плечами жена, – вон на том кинжале заморском, что купцы арабские тебе поднесли, тоже узор серо-чёрный по всему клинку...

– Что ты, Умила, – увлекшись, воскликнул Добромысл, – у арабов сей узор без всякого порядку. Мастер не волен его по своему хотению уложить, а как само выйдет. А сей, гляди, змейка-то по долу как идёт ровнехонько, и узор уложен, что вышивка у лепшей мастерицы. Какой кузнец возжелает, такой и сварганит, никто такого чуда в свете повторить не может, развеешь?

– Дети, сущие дети сии мужи, – промолвила с усмешкой Умила и махнула рукой.

– Сей меч будет обережным клинком для моего сы-

на, — молвил князь. — Ну, держитесь теперь нурманы, саксы и франки!

— Да что ж это, дитя едва на свет явилось, а вы уже ему воинскую долю готовите! — укоризненно молвила мать.

Брательники переглянулись, вздохнули, и Годослав, снова обняв жену за плечи, промолвил с тихой и гордой грустью:

— Наш род ободритский уж сколько веков пребывает во вражьем окружении, и токмо благодаря силе своей и отваге воинской на земле существует. Многие наши отцы и деды пали в жестокой борьбе за то, чтобы мы жили и детей растили и земли наши под своею рукой держали.

— А по-иному и быть не может, — добавил так же серьёзно Добромысл, — потому мы и зовёмся рарожичами....

Годослав, подумав, молвил:

— А чтобы дух сокола всегда покровительствовал моему наследнику, я так и назову его — Рарог! — повернулся он к жене и встретился с её глубоким взглядом серо-синих очей.

— Что ж, славное имя и гордое, пусть твой сын носит его с честью, а Перунова сила делает клинок сей неотразимым! — торжественно молвил Добромысл.

— Будь, сыне, настоящим Рарогом-Соколом! — с вол-

нением в голосе молвил князь Годослав, опуская Болотный меч в детскую колыбель.

Часть первая

Меч Рюрика

...варяги и Рурик с родом своим, пришедшие в Новгород, были колена славенского, говорили языком славенским, происходили из древних россов и были отнюдь не из Скандинавии, но жили на восточно-южных берегах Варяжского моря, между реками Вислою и Двиною... Имени Русь в Скандинавии и на северных берегах Варяжского моря нигде не слыхано... В наших летописцах упоминается, что Рурик с Родом своим пришёл из Немец, а инде пишется, что из Пруссии... Между реками Вислою и Двиною впадает в Варяжское море от восточно-южной стороны река, которая вверху, около города Гродна, называется Немень, а к устью своему слывёт Руса. Здесь явствует, что варяги-русь жили в восточно-южном берегу Варяжского моря, при реке Русе... И само название пруссы или поруссы показывает, что пруссы жили по руссах или подле руссов.

М.В. Ломоносов.

Возражения на диссертацию Миллера

Глава I

Ободритский сокол

844 г. Гам-град (Гамбург). Битва франков с ободритами. Гибель князя Годослава. Осада столицы – г. Рарога. Условия Людовика II Немецкого. Воспитание подросткового Рарога у волхва. Инициация. Огненная тропа. Наследник Годослава получает отцовский меч. «Пришло время жениться». Ружена: «Йа буду тьебя шдать...»

Гам-град пылает то там, то тут, его обстреливают метательные машины. Франки уже на его улицах, но здесь тяжёлой коннице и укрытой кольчужной бронёй и доспехами пехоте приходится туго: с домов и крыш их бьют ободритские лучники, сбрасывают на головы брёвна и камни, цепляют баграми и стаскивают с коней всадников.

– Почему так медленно идёт продвижение, или мои кнехты и рейтеры разучились сражаться? – негодующе распекает своих военачальников король Людовик.

– Воины сражаются в полную силу, они дерутся, как вепри, скандинавы уже бежали, остались бодричи, а это... – опытный могучий воин с пышными рыжими усами запнулся, не зная, как сказать о силе противника, чтобы не вызвать гнев короля.

– Майн кёниг, – выступил вперёд старый советик Гольденберг, – улицы не дают развернуться всей мощи нашего войска. Мы побеждаем, но очень медленно и с большими потерями. Каждый дом, каждый переулок даются большой кровью, бодричи защищаются отчаянно...

Людовик вновь хотел разразиться словами недовольства, но сдержанный тон старого советника охладил его и заставил обуздать чувства, ведь король должен быть выше чувств, всегда!

– Прикажете отойти, – произнёс повелитель франков холодно-властным тоном. – Сожгите все дома, подтяните сюда метательные машины, лучников, – всё это предать огню и разрушить, – король обвёл рукою в покрытой железными пластинами перчатке строения непокорного града, – чтобы войску не было преграды.

Людовик сделал знак рукой – и зазвучали трубы, повелевая войскам исполнить его волю.

Резкие повелительные команды франкских военачальников, подобно ударам плетью, сухими щелчками размножились над военной армадой. Франки отошли на полтора полёта стрелы, выравнивали строй. Подтянули метательные машины. Вскоре с противным шелестом и шипением на град полетели камни и большие горящие стрелы. Когда предместье бы-

ло разрушено и камнеметы стали бить в сердце города, к ближайшим уцелевшим строениям побежали факельщики. Под прикрытием лучников они понесли горящую смолу. Заполыхало сухое дерево, затрещали, лопаясь, жилы досок и брёвен, застонали сараи и избы, поглощая в своём огненном чреве домашний скarb и не успевших спастись людей и животных. Пошёл гулять огненный вал по граду, оставляя за собой серый горячий пепел. А через некоторое время, вслед за ним, прикрываясь щитами и растаскивая догорающие брёвна крючьями, пошла плотная стена закованных в броню франкских воинов.

— Княже, — подбежал к Годославу запыхавшийся посыльный, — там, на большой пристани, наши союзники садятся в свои лодыи и уходят! Они бросили нас, рекут, что град всё равно сгорит, а франков слишком много!

— Добромысл! — кликнул князь Годослав. — Сейчас враг ударит пуще прежнего, нам долго не выстоять! Бери Умилу и сыновей, уводи их!

— Князь, я тебя не брошу! Вели уводить семью другому, я с тобой до конца, я...

— Брательник, — князь схватил Добромысла за плечи, — я тебе не только семью доверяю, я тебе ободритскую землю спасать велю! Мы будем держаться, чтобы вы успели уйти, пока Людовик не бросился сле-

дом! Торопись, Добромысл! – Он крепко обнял брата и помчался в гущу сражения.

Четырёхлетний малыш, сидя в теремной светлице на лаве, застланной шкурами, вытягивает голову и настороженно глядит по сторонам. Он в одной рубашонке, только проснулся, светлые волосы растрёпаны, в голубых очах недоумение, переходящее в страх. За бревенчатыми стенами всё не так, как обычно, там что-то огромное страшно ворочается и скрежещет. В светёлку проникают чьи-то испуганные крики, и тонкими синими змейками въётся удушливый дым. Малыш закашлялся и громко заплакал.

– Рарог, сынок, – вбежала перепуганная мать малыша, одной рукой прижимая к себе самого маленького Синеуса, а другой держа за руку среднего, Трувора, – пойдём скорее!

Вслед за Умилрой вбежал дядька Дорбомысл с каким-то скарбом. Он подхватил на руки плачущего Рарога, и они торопливо покинули уже загоревшийся с одной стороны терем. Дым и пепел носились над водою великой реки Лабы, над домами вчера ещё шумного прибрежного торгового града Гама. Во дворе десятков воинов из княжеской теремной охраны тут же окружили княгиню с чадами.

– Живее, братцы, франки в любой миг могут кольцо замкнуть, – поторопил Добромысл, передавая скарб

воинам. Сверху что-то сильно грохнуло по крыше терема, раздался хруст ломающегося дерева, полетели вниз осколки деревянной черепицы и щепа. Двое ближайших охоронцев мигом прикрыли щитами княгиню с детьми.

— Камнемёты уже сюда бить начали, быстрее к реке, — крикнул Добромысл. — Хотя там могут быть лодьи Людовика.

— Ничего, нас немного, найдём лазейку, — ответил десятник, приняв у княгини Трувора, а младшего Умила понесла сама. Все быстро двинулись по горящему граду.

Над головой злобно зашипело, и Рарог узрел, как в бревенчатую стену дома воткнулась большая стрела. Обмотанная ближе к зубчатому наконечнику горячей смоляной вервью, она запылала жарче, роняя огненные капли смолы или густого масла. От удара липкая вервь, будто живая горящая змея, сползла на стену неровными огненными кольцами. Сухое дерево запылало. Ещё одна такая же стрела воткнулась в крышу длинного строения для скота, а в дальний конец с неба упало что-то тяжёлое, легко пробив крышу, и тотчас послышалось испуганное кудахтанье кур и жалобное блеянье овец. Крыша загорелась, но никто ничего не тушил, по улицам метались перепуганные животные и редкие женщины, дети да старики. Рас-

ширенные от ужаса очи маленького Рарога замечали всё и запоминали навсегда. На горящей деревянной мостовой билась лошадь с переломанным хребтом, она силилась подняться и не могла, озираясь на подползавшее к ней всё ближе пламя. Один из замыкающих охоронцев неуловимым движением меча прекратил мучение животного.

Выйдя чуть выше основной пристани к берегу, дружинники быстро отыскиали лодку побольше, в которой могли уместиться полтора десятка беглецов.

— Поднимемся вверх по Лаббе, до большого леса, а там напрямик, — распорядился дядька.

— Добромысл, а где Годослав? — спросила, растерянно озираясь вокруг, княгиня, когда испуганные дети прильнули к ней на лодейной скамье. — Что с ним, жив ли?

— Умила, он мне повелел тебя с детьми вывезти, так что погоди с расспросами. Нажимай, братцы, на вёсла шибче, пока дым по реке несёт, нас не так легко с берега заметить, да и смеркается уже, только бы из града вырваться... — И тут же стрела с берега с глухим стуком вошла в его щит, которым он прикрывал княгиню с детьми.

— Излётная, сверху шла, кольчужнику никакого урону не принесёт, — проговорил сам себе Добромысл, вынимая стрелу из щита.

Встревоженные, но ласковые мамины руки, мерное покачивание челна и ровные всплески вёсел убаюкали Рарога и братьев. Малец проснулся уже в темноте, когда крепкие руки воинов передавали его из челна на берег. Багряное зарево вдалеке окрасило полнеба над рекой, но здесь, на лесном берегу, было тихо.

– Десятник, пошли двух воинов в дозор, идём на полуночный восход, к нашему стольному граду Рарогу. Двое идут замыкающими, а чёлн по течению пусти, чтоб по следу за нами не пошли, – повелел Добромysl. И снова Рарог задремал, только уже завёрнутый в плащ дядьки, уткнувшись в его плечо, забранное кольчугой. Несколько раз открывал глаза и видел ночной лес. А потом уже под утро его и братьев уложили на пахучее сено огнищанского воза, а рядом легла утомлённая мама. Они ехали день и ещё часть ночи, потом ещё день, и снова ночёвка в лесу с загадочными голосами лесных обитателей у небольшого костра. К вечеру третьего дня воз, сопровождаемый небольшим отрядом, вышел к высокой оборонительной стене, окружающей град Рарог, находящийся на возвышении. И вскоре уже покатился по мощёным брёвнами улицам родного града.

Старейшины и волхвы, понутив головы, слушали Добромysла.

– Вот так, лесом, дошли мы с княгиней и княжичами до нашего града. Что с князем, не ведаю. Потому, мыслю, выяснить надобно, чем тот бой с франками для князя нашего в Гам-граде закончился, жив ли он, а тогда подумаем, как быть далее.

– Особо думать-то и нечего. Ворота мы заперли, только воинов совсем мало, а жён, детей да стариков много, – тяжело вздохнул старый Падун, опершись на причудливо изогнутый посох.

А через два дня к вечеру у стен града Рарога появились франки. Проворно, без лишней торопливости замкнули плотное коло. Над градом нависла тень Мары. То, что он мог погибнуть нынче или завтра, понимали все жители, даже дети. Наступила тревожная ночь, может быть, последняя для жителей Рарога. Никто не спал, по велению Добромысла готовились к обороне: на широкую крепостную стену высотой в три сажени подтаскивали камни, брёвна, ставили варить котлы с горячей смолой и маслом, дабы обрушивать их на врага. Но всех способных к сопротивлению жителей Рарога едва хватило, чтобы замкнуть на крепостной стене жидкую цепь. Внизу в помощниках оставались только женщины и дети. Заняв посты, рарожичи замерли в ожидании, готовые каждую минуту пустить в ход луки, копья и мечи. Всю ночь перекликалась стража, всю ночь не смыкали очей бодричи. А утром уви-

дели со стен одинокую телегу, что стояла напротив крепостных ворот. В телеге лежало мёртвое тело.

Похолодело в душе у каждого, ибо поняли они, кто лежал бездыханным на франкском возу.

Рядом с повозкой, на лошадях, закованных в железную броню, облачённые в такие же железные латы, высились трое всадников. Вот они подняли копья, к которым были привязаны белые платки, и стали размахивать ими.

— На переговоры вызывают, — мрачно рёк Добромыслу начальник городской стражи седой Бронислав. — Что будем делать?

— Отправим посыльных узнать, чего они хотят, — отвечал Добромысл.

— Пеших или конных? — уточнил Бронислав.

— Для конных придётся отворять городские ворота, а сие небезопасно, мало ли что у сих немцев на уме.

Вскоре трое ободритских воинов спустились по верёвочной лестнице с городской стены и направились к франкам. Добромысл и горожане увидели, как воины, подойдя к телеге, сняли шеломы, обнажив головы в знак почтения к погибшему.

Вольный ветер тронул усы и обритые головы русов с оставленными посредине клоками волос. Они глядели на своего мёртвого князя Годослава с чудовищной раной на груди, видимо, от пробившего кольчугу

железного копья с зазубринами на конце, называемого «ангон».

— Князь ваш храбро сражался и погиб как воин, — молвил франкский посланник со своим выговором, однако на довольно хорошем русском, — потому в знак уважения великий король Людовик Второй готов вернуть его тело для погребения и предлагает тому, кто остался у бодричей за князя, выйти к нему для переговоров.

— Не ходи, Добромысл, франки коварны, они убьют тебя, а град потом сожгут, — рекли некоторые из старейшин, когда посланники передали предложение Людовика. Женские всхлипы заставили старейшин обернуться. Умила плакала, спрятав лик в ладонях и прислонившись к резному столбу, подле неё стоял насупившийся Рарог, крепко держась за материнский подол.

— Могут, — кратко согласился двоюродный брат погибшего князя, глядя на плачущую княгиню. — В таком разе лягу рядом с Годославом по чести воинской, иначе, что я ему скажу там, в Ирии, коли встретимся на вечных лугах Сварога? А не убьют, хоть знать будем, чего там хитрый Людовик задумал. Иду я, братья, коня мне и стремennого, более никому рисковать нет нужды.

— Окажи честь, брат Добромысл, дозволю с тобой

пойти, забрать тело князя нашего, – молвил седой Бронислав. – Не прощу себе, коли хоть мёртвого Годослава не увижу.

Добромысл хотел возразить, но потом только махнул рукой.

Спустя короткое время, городские ворота, заскрипев, чуть приоткрылись, выпустив трёх всадников, и тут же затворились опять. Добромысл был одет в подобающие такому случаю богатые доспехи. Встретив ободритских посланцев, рейтеры сопровождали Добромысла и его охоронца-стременного в лагерь короля франков. Начальник городской стражи Бронислав, спешившись и сняв шелом, остался у тела князя. Постояв так некоторое время, он привязал повод своего коня сзади к возу и, взяв запряжённого франкского коня под уздцы, повёл его к городским воротам.

В лагере Людовика Добромысл с охоронцем шли словно по раскалённому железу, ожидая в любой миг удара меча или копья в спину. Вражеские воины, заметив пришлых рарожичей, идущих в сопровождении их начальника, порой зубоскалили и показывали непристойные жесты. К самому шатру короля бодричам пришлось шагов пятьдесят пройти меж двух шеренг выстроившихся угрюмых воинов Людовика. У входа в шатёр охрана забрала мечи и тщательно обыскала варягов.

– Ваш рех Годлав был могучим и храбрым воином, а мы, франки, всегда уважали достойного противника! – произнёс высокопарно Людовик, король восточно-франкского королевства, восседая на своём походном троне.

– Значит, вы пришли в наш Гомон-град и сожгли его только для того, чтобы выразить нам своё уважение, а князя нашего убили от восхищения его храбростью? – хмуро проговорил варягрус, не отводя очей от холодного взгляда короля франков.

– А ты, Добромысл, так же дерзок, как и твой погибший князь, но ты забыл, что град Гамбург был взят вами силой в союзе с норманнами два года тому назад, – всё так же невозмутимо и холодно ответил король, тронув концы по-немецки загнутых вверх усов и огладив небольшую бороду.

– Сей град изначально был нами, ободритами, основан там, где в устье Лабы гнезилось много птиц и стоял суший гам, оттого и название граду было дано. А землю сию датскую наши с тобой, король, деда вместе отвоевали, ваш Карл и наши князья Витослав, а потом Годелюб, дед того самого Годослава, которого вы нынче убили, – твёрдо ответил глава бодричей.

– Твоя память, Добромысл, короче моего скрамасакса, – строго заметил Людовик. – Ты забыл, что даны захватили ваш град, а мой дед, Карл Великий, по-

мог отбить его и, по праву победителя, оставил за собой, учредив пограничный град Гамбург. Давай будем решать не то, что было, а то, что есть сейчас. А сейчас твой город окружён, и я могу его взять.

– Не думай, король, что это тебе удастся легко, мы будем сражаться до последнего, – гордо выпрямился Добромысл.

– Я же сказал, что ценю вашу храбрость, но ты прошёл по моему лагерю и видел, сколько у меня воинов, рано или поздно мы всё равно возьмём Ререх. – Наступило долгое молчание.

– Что ты хочешь предложить, Людовик, ведь ты меня позвал не для того, чтобы говорить о прошлом?

– Верно, но и не для того, чтобы предложить жителям Ререха сдать город, как ты думал. – Людовик выдержал паузу и остался доволен удивлением, написавшимся на лице ободритского посланника. Добромысл, в самом деле, всё это время перебирал в голове, какие условия сдачи града предложит франкский правитель.

– Я хочу предложить, – продолжил франк, – твоему народу достойный мир. Я не буду брать штурмом Ререх, останутся в живых твои воины и мои. Ты будешь править градом и прилегающими землями, пока не подрастёт твой племянник, которого, я знаю, тоже зовут Ререх, как и город. Вы будете платить мне

дань, как и все франкские города. А чтобы наш мир был прочным.... У тебя есть дети? – пристально взглянул Людовик.

– Осталась только дочь, все сыновья полегли в битвах, – глядя прямо в очи короля, отвечал Добромысл.

– Хорошо, пусть твоя дочь выйдет замуж за одного из моих вельмож, а франкская принцесса станет женой князя Ререха, когда он достигнет должного возраста... А ещё, – подумав, молвил франк, – сыновья трёх самых знатных горожан должны отправиться со мной, как залог нашего обоюдного согласия. – Добромысл хотел возразить, но король опередил его. – Они будут жить и воспитываться вместе с детьми моих баронов и герцогов, на равных, даю тебе слово короля.

Ободритские посланники несколько растерянно переглянулись.

– Я... не могу сразу дать тебе ответ, король, – отвечал Добромысл. – Наш закон требует совета со старейшинами и волхвами...

Да и князя похоронить надобно, прежде чем над его костями торг вести...

– Хорошо, – согласился Людовик. – Моему войску всё равно нужен отдых. Через два дня приходи с ответом. И помни, что я никому не предлагал таких условий, всё-таки наши деды были союзниками!

За длинным столом в княжеской гриднице собрал-

ся городской совет. Лики у всех были хмурыми, – только вчера предали земле тело князя Годослава, за градом вырос свежий курган. А нынче следовало дать ответ Людовику.

– Разумею я, братья, так, – встал перед старейшинами и волхвами, опираясь на свой чудный посох, многомудрый Падун. – Коли решим сражаться, то обречём сыновей и внуков наших на гибель или неволю тяжкую, нет сейчас нам подмоги ни с какой стороны. Потому главное ныне – землю нашу сберечь да «семя», то бишь детушек наших. А взрастим их да укрепимся, тогда и с франками по-другому говорить станем, и ещё поглядим, кто чьи грады в осаду возьмёт.

– Тяжко признать, но прав старый Падун, прав, – закивали, не поднимая на Добромысла очей, старейшины.

– И я понимаю, братья, что нет сейчас иного выхода, – отозвался Добромысл. – Одного только не знаю, как дочери своей про франков сказать, как объяснить, отчего я её, кровинушку свою, в чужой род вот этими своими руками отдаю? – он потряс перед всеми открытыми ладонями и почти в отчаянии до боли сжал голову.

Отдохнувшие и получившие выкуп ободритскими мехами, мёдом, зерном и лошадьми франки с весё-

лыми шутками покидали окрестности града Ререха, как, на свой манер, они его называли. Только седой осанистый советник короля герцог Гольденберг был хмур и молчалив. Наконец он, не выдержав, обратился к королю:

— Скажи, мой король, почему мы не стали брать этот город? Ведь там было мало защитников, мы могли захватить его и получить дань, в десятки раз большую...

— Именно потому, старина Гольденберг, что я ваш король, — усмехнулся Людовик в свои пышные закрученные вверх усы, обводя взглядом остальных военачальников, ехавших рядом. — Я вижу, что не одного тебя интересуется ответ на этот вопрос. Так вот. Вы, воины, видите мир на расстоянии своего копья, а взгляд короля должен простираться до самого горизонта и даже дальше. Запомните, то, что я вам скажу, крепко запомните! — гордо восседая в дорогом арабском седле, привычным движением ладони иногда оглаживая короткую бороду, вещал, втайне любясь собой, король франков. — Мой славный дед Карл Великий побеждал славян и другие народы не только мечом, но и мудростью. Он умело не давал угаснуть старой вражде между лютичами и бодричами, данами и саксами, руянами и норманнами. Но самые опасные из этих народов — славяне. Они, как многоголовая гидра, отрубишь одну голову, тут же вырастает новая. Я

разделю эти сильные славянские племена на мелкие княжества, стану сеять меж ними вражду и междоусобицу. А служители папы помогут мне обратить их в новую веру, чтобы они забыли своего Рода и всяческих Рожаниц. Мои епископы сделают из этих неукротимых язычников послушное управляемое стадо, как это случилось с саксами. Запомните, славян нельзя победить, пока они вместе и пока они молятся своим богам, но они сами помогут мне, когда я разделю их. Мы сейчас пройдем по другим городам-крепостям бодричей и заключим мир с каждым отдельно, и с каждого возьмем заложников, и воспитаем их как франкских вельмож. Разделяй и властвуй – вот мой девиз!

Ошеломлённые вояки Людовика, привыкшие измерять всё силой оружия, благоговейно молчали.

– Я всегда считал самым великим твоего деда Карла, но ты превзошёл его, мой король! – восхищённо произнёс старый Гольденберг.

Священная роща ободритов. У Дуба Прави

– Ну вот и приехали, княже, вот она, Священная роща, – молвил один из трёх всадников, осаживая коня у красивой резной ограды, за которой шумели многовековые дубы. Князь Доброслав спешился и придержал за узду коня, помогая десятилетнему племяннику.

– Я сам, дядька Добромysl, – запротестовал Рарог,

ловко спрыгивая на землю.

– Жди нас здесь, – велел князь стремениному и отправился с племянником в Священную рощу. Едва вошли под резную арку с искусными изображениями дивных растений, птиц и животных, как увидели идущего навстречу по шелковистой молодой траве седовласого длиннородого мужа в расшитой конопляной рубахе и таких же конопляных портах. Чресла его были перепоясаны расшитым поясом с обережными знаками, такой же узорчатой тесьмой схвачены волосы на голове. На груди – Перунов знак: молнии, вплетённые в Сварожье коло.

В руке – дубовый волховской посох.

– Здрав будь, отец Ведамир, – приветствовал его Добромысл. – Вот, привёл, как условились, племянника к тебе на обучение.

– Здрав будь, князь Добромысл, и ты, юный княжич Рарог, – ответил волхв неторопливым грудным голосом. – Доброе дело, а тем паче такое важное, непременно надобно начинать с чистым сердцем и расторгнутым умом. Идёмте к Дубу Прави! – Они прошли по тропке к Священному дубу и некоторое время стояли, слушая, как неумолчно шумит в его могучей кроне ветер, как перекликаются бесчисленные птицы, гудят насекомые и шепчутся меж собою свежие, недавно распустившиеся листья. Выше на могучем стволе,

под самой кроной, отрок разглядел спокойно-сосредоточенный лик, искусно вырезанный из дубового нароста-капа. Лик чем-то смахивал на дядьку Добромысла – с таким же клоком волос на голове и длинными усами. Но княжич знал, что это лик божества справедливости – Прави.

– Обращаюсь к тебе, Бог Истины Единой, всем сердцем и умом своим, – подняв руки вверх, заговорил волхв, глядя ввысь могучей кроны на лик божества. – Прошу у тебя благословения на учёбу будущего князя Ободритской Руси, на открытие ему законов Прави, по коим предстоит ему все деяния свои измерять, большие и малые. – Волхв ещё постоял, будто слушал в шелесте листвы Божьего Древа ответ самой Правды. Потом поклонился дубу, приложив правую руку к сердцу. – Теперь ты, княжич, слово дай Священному дубу, что станешь прилежно и старательно познавать законы Сварожьи, – молвил Ведамир.

– Я, княжич Рарог, обещаю тебе... – сбиваясь от внезапно нахлынувшего волнения и путая слова, которым научил его дядька Добромысл, молвил скороговоркой юный ученик, – ...бог истинной Прави... познавать сущее, неутомимо и прилежно... весьма, вот! – закончил он и облегчённо вздохнул, ощущая, как краской волнения полыхнуло чело и ланиты. Пройдя к пылающему невдалеке кострищу, обложен-

ному камнями, дядька достал холщовый мешочек и передал волхву. Ведамир, развязав его, протянул отроку:

– Возьми, Рарог, горсть зёрен и брось в Вечный Огонь. Пусть малая толика жертвы от трудов наших прорастет тучным семенем хлеба насущного и познания мира Сварожьего, – приговаривал Ведамир, пока отрок бросал зёрна в огонь и смотрел, как они чернели, обугливаясь. – Слава Перуну, вращающему вечное коло жизни по неизменному закону Прави! – И Ведамир протянул мешочек Добромыслу.

– Вечная слава богу справедливости! – произнёс князь, бросая в огонь горсть пшеницы.

У невысокой резной деревянной ограды, что окружает Священную рощу, они простились с Добромыслом. Князь со стремненным ускакали, а учитель и ученик пошли по незаметной тропке через Священную рощу и, выйдя за пределы её, вскоре оказались у небольшой ладной и уютной бревенчатой избушки Ведамира с резными полотенцами и искусным коньком наверху.

– Вот тут, брат Рарог, и будем мы с тобой обитать. Узелок с одеждой пока на лаве положи под окошком, пойдём, покажу тебе, что и где здесь поблизости есть.

– Отец Ведамир, а чему ты меня учить станешь? Я хочу, чтоб ты скорее меня сражаться научил, – важно

молвил отрок, когда вышли на берег не то озерца, не то болотца, куда впадал звонкоголосый ручей.

– Сражаться дядька твой да воинские наставники научат, а я тебе помогу научиться, к примеру, понимать силу волны, или дрожи, как иные это называют.

– А на что мне это, деда, я же воином хочу быть, зачем мне какие-то волны? Волны – они же в реке.

– На что? – переспросил волхв. – А ведомо ли тебе, княжич, отчего наш белый сокол – кречет на дичь сверху быстрее всех хищных птиц падает?

– Потому что он сильный! – тут же ответил ученик.

– Эге, брат, попал пальцем в сваргу, – махнул рукой волхв, – есть и посильнее его птицы, однако в быстроте и силе удара с кречетом сравниться не могут. Ага, а про Сваргу-то я и позабыл! – Старик вынул из холщёвой сумы толстую кожаную рукавицу, надел её на шуйцу, потом вынул чернокрылое вабило и подкинул его высоко вверх несколько раз. Сверху раздался радостный клёкот, и большой белый сокол с тёмными пестринами и чёрными перьями по краям крыльев, сделав круг над головами людей, уселся на рукавицу.

– Ай, Сварга, ай, красавица, птаха божеская, прости, забыл я про тебя, – с нежностью в голосе заговорил волхв, поглаживая гордую птицу. – Вот гляди, Сварга, – указал он на мальчика, – это княжич, ему тоже имя Рарог, вы с ним родичи, значит. В учение к нам с

тобой его прислали, поможешь мне в сём важном деле? – Самка сокола поглядела своими круглыми строгими очами на отрока Рарога, потом потопталась на рукавице и что-то проклекотала, понятное только ей и волхву. – Вот и добро, Сварга, дякую что согласилась. А через два лета будет у нас ещё ученик, Трувор, а потом Синеус, им тоже твоя помощь понадобится. А сейчас, княжич, гляди сюда, – волхв рукой расправил крыло птицы, – потрогай перья, не бойся, Сварга позволяет, я с ней договорился. Чуешь, перья в крыле мягкие, а те, что по краю, чёрным окрашенные, жёсткие? Вот по ним-то и пускает сокол дрожь особенную, что позволяет птице на врага лететь сверху с быстротою стрелы, из лука пущенной. Ты речёшь, «воином хочу стать». Коли не научишься той волне-дрожи, не овладеешь быстротой сокола, не сможешь в одиночку супротив нескольких воинов стоять.

– Хочу володеть дрожью, отче, – с великой готовностью сразу согласился юный княжич, осторожно трогая перья гордой птицы. Волхв покормил птицу припасённым в суме мясом и, подбросив вверх, проследил, как стала она подниматься большими кругами ввысь.

– А теперь сюда гляди, Рарог. – Ведамир бросил в тихую воду озерца небольшой камень, который, булькнув, оставил на нетронutom зеркале разбегающиеся во все стороны ровные живые кола. – Вот так

от каждого существа, человека ли, животного, комах и малой, от дерева, от всего живые волны расходятся. — Волхв помолчал, давая время ученику осмыслить сказанное. — Всё, княжич, в мире явском суть волны или дрожь, потому володеть тою дрожью должен ты сиз-малства обучиться.

— Отче, а я видел на море такие большущие волны, что выше твоей избушки, они здоровые камни, что гальку, на берег швыряли, вот!

— Вот видишь, какая сила в волне-то, сынок. Вода мягкая, не то, что камень, а сильнее его оказывается, коли волной на берег устремляется. Вот и станем мы с тобою учиться теми волнами володеть. Кроме тех, которые мы видим, есть ещё и те, что внутри нас ходят. А ну-ка, давай глядеть вокруг и замечать дрожь разную.

— Вижу, отче, листва на берёзе дрожит, то её ветер треплет.

— Верно, а ветер — сын Стрибожий, он суть та же волна, только в воздухе.

— Гляди, деда, вон косуля из лесу вышла, — тихо прошептал малец. Косуля осторожно огляделась и принялась щипать сочную траву у самой воды. Надоедливые мухи да слепни тут же набросились на животное, стараясь укусить, но чуткая косуля сгоняла их, вздрагивая кожей.

– Видал, как она волной-то слепней гоняет, – прошептал на ухо Рарогу волхв.

– Эка хитро придумала, – восторженно зашептал малец, – рук-то у неё нет, вот она и придумала так их гонять!

На обратном пути к избушке они всё продолжали открывать разные волны.

– Деда, так сколько же этой дрожи разной есть на свете? – изумлялся, широко открыв голубые очи, княжич.

– Того, брат, никто точно не ведает, но не одна тысяча, это уж точно.

– Деда, а вот говорят «дрожит от страха», значит, страх – это тоже дрожь?

– Так, Рарог, и страх, и радость, и ненависть, и любовь, – всё это особая дрожь, которую мы чувствуем, даже не прикасаясь к человеку, а порой и вовсе не видя его.

Они вернулись к избушке, и малец увидел колоду, висящую на толстой верви, привязанной к большой сосновой ветке. Учитель с силой качнул колоду.

– На волны мы с тобою поглядели, а теперь давай володеть ими учиться станем, останови-ка эту волну. – Княжич борзо кинулся навстречу качающейся колоде и... получив сильный толчок, улетел в траву. Встал, потирая шишку на лбу и оцарапанный бок.

– Ну, с первой шишкой тебя, в учении их ещё будет много, – улыбнулся волхв. – Понял силу волны?

– Ага, – обиженно буркнул малец.

– Да ты, брат, не дуйся, обида делу не подмога. Сам мне только что сказывал, как волна огромные камни швыряет, и тут же, будто камень, на пути волны стал. Запомни, что волну только волной остановить можно, главное её понять, приноровиться к ней. А ну-ка, ещё раз, только с умом попробуй, вот так, гляди. – Учитель сильно раскачал колоду и стал перед летящей на него тяжелой древесиной. Когда она долетела до него, ученик даже на миг от испуга чуть прикрыл очи. Но волхв не упал, а лишь мягко отклонился назад, замедляя лёт колоды, а когда она устремилась обратно, так же мягко придержал её.

Княжич садится за стол, берёт ложку десницей и тут же получает лёгкий подзатыльник от старика.

– Ты забыл, что сегодня дива-день, и ложку, и нож, и ковш, чтобы попить, – всё должен брать шуйцей.

– Так несподручно ведь, – насупился малец, перекладывая ложку в левую руку.

– Ты воин, а в сражении тот, кто обеими руками одинаково владеет, лучше выживает, запомни! Вчера ты десницей с делами справлялся, сегодня шуйцей, а завтра обеими попеременно. – Старик помол-

чал, потом добавил: – Нынче на болото пойдём, там и будет понятно, как ты научаешься обеими руками во-лодеть...

– А зачем на болото?

– Затем, что на твёрдой почве ты от шишек уже научился уклоняться, а вот на болоте-то посложнее будет.

Юный Рарог стоит на скользких болотных кочках, расставив ноги, а волхв швыряет в него принесённые в корзине большие сос новые шишки, которые дозволяется ловить либо уклоняться от них. Шершавые шишки, порой задевающие вскользь, ранят кожу раздетого мальчика, оставляя саднящие царапины. Он несколько раз скользит на кочках, потом оступается и падает в болотную жижу. А дед уже берёт из корзины галечные камни, – их удары гораздо сильнее. Снова падение, и снова боль от пропущенного камня. Болотная грязь, покрывшая щёки, прорезывается светлыми ручейками слёз.

Когда, омывшись в озерке, Рарог с трудом натягивает рубаху на мокрое тело, покрытое ссадинами и разбухающими синяками, старый волхв примирительно речёт:

– Не держи на меня зла, сыне, и не жалея себя. Жалость унижает мужа, а в настоящем бою тебя никто не пожалеет. Драться тебе придётся с разными воинами,

но чаще с нурманами, а для них сама жизнь – это война, и жалости они не ведают. Так что через несколько седмиц будешь вспоминать об этих камешках, как об игре безобидной, потому что стану я тебя стрелами бить, хоть и тупыми, но стрелами. А без такой учёбы загинешь в первом же бою. Прадед твой Годелюб и отец Годослав храбрыми воинами были, да полегли от рук коварных франков, саксов и данов. И дело тут не только в храбрости, а и в хитрости врага. Но о сём мы с тобой позже потолкуем...

По дороге к избушке они узрели, как в небе кругами ходил белый сокол.

– Видишь, Сварга нас стережёт, всё ладно будет!

– Деда, а Сварга, это твоя птица, ты её хозяин? – спросил юный княжич.

– Нет, брат Рарог, я волхв, а не сокольничий, мы друзья со Сваргой. Она вольная птица и никому не принадлежит, как ветер или море, так же и я никому не принадлежу.

– А как же вы с ней подружились?

– В беду она попала, тогда ещё совсем молодой соколихой была, видать, напал на неё кто-то, крыло повредил. Лежит на траве, крыло сломано, лететь не может. Вот и помог я ей, выходил. Она, вишь, смышлёная какая, пока я ей крыло правил и тонкие деревянные пластины прилаживал, чтоб срослось правильно,

ей больно было, а она ни разу даже когтем не царапнула меня, ни клювом своим железным не тронула. Понимала, что спасаю. Я потом её, чтоб крыло скорей срослось, толчёными рыбьими костями подкармливал.

– Так ты её отпустил потом?

– Знамо дело, отпустил, как она радовалась, когда смогла в небо взлететь, что творила в воздухе! И крутилась, и вертелась в нём, никогда я за всю жизнь не видывал, чтоб гордый сокол такое в небесной сварге выделявал, потому и назвал я её Сваргой. А после того часто прилетать стала, присядет на ветку и рассказывает про своё житьё-бытьё. Я же ей припасал угощение. А однажды прилетела не одна, а с суженым, такой же гордый красавец, только поменьше, самки ведь у соколов крупнее. Похвалил я её выбор, порадовал словом добрым, гляжу Сварге то приятно, еще с большей гордостью голову держать стала.

– Деда, а правду рекут те, кто к тебе приходит за советом или помощью, что коли они гостинец принесут для Сварги и она его примет, то потом их дом беда стороной обходит?

– Того доподлинно не ведаю, но про одного человека точно сказать могу, коему она в самом деле помогла в беде.

– Кто ж тот человек, отче?

– Так я и есть тот человек. Как-то через год с небольшим после того, как мы подружились со Сваргой, случись со мной беда. Шёл я после дождя вдоль оврага, да задумался, видно, не о том, поскользнулся на глинистой кочке, упал, да и в овраг загремел. Очнулся, нога болит, пощупал, эге, так у меня лодыжка-то сломана! Слышу клёкот знакомый, повернул голову, а это Сварга с Суженым сидят и стерегут меня, чтоб, значит, никто из зверей лесных не тронул, пока я без памяти лежу. Ножом срезал сук потолще, чтобы опираться на него. А птицы надо мной вьются, хлопчут, помочь хотят, а как? Только во мне от этого сил сразу прибавилось, выбрался я обходной тропкой из оврага и до избушки доковылял. Выправил кость свою, как надо, дощечку лыком примотал, срастайся! Сижу как-то подле избушки на солнышке, слышу голос знакомый. Гляжу, Сварга прилетела, что-то из когтей выронила и на дерево уселась. Пригляделся я, а она рыбу мне принесла, гостинец, значит. Хоть каждому ведомо: не ловит сокол рыбу, не его это промысел, он только в воздухе дичь берёт, даже куропатку, коли она на земле сидит, и то не возьмёт, пока она не взлетит.

– Так где ж она рыбу для тебя взяла, деда? – удивлённо спросил отрок.

– Не ведаю, сыне, может, у чайки забрала, может, у другой морской птицы, море-то от нас недалече. Толь-

ко после сего стал я поправляться быстро, как молодой, через две седмицы уже на прогулку вышел, то-то спасители мои рады были, теперь вдвоём в небе кувыркались, словно дети малые. После того, наверное, разговоры и пошли о моих друзьях-пернатых. Стали приносить люди угощение и просить покормить птиц, кои для нас, рарожичей, есть священный символ нашего Рода.

– Погоди, деда, я догадался, ты же, когда Сваргу лечил, давал волну, чтоб быстрее заросло крыло, так она ту волну запомнила и потом тебе же той волной и помогала вместе с Суженым, вот почему ты так быстро выздоровел! – обрадованный своей догадкой закричал Рарог.

– Так и есть. Потому, выходит, надобно нам у соколов учиться, как людьми вольными быть. Не завидовать, не к богатству или власти стремиться, а к вольной и чистой жизни. Ведь забыли многие ныне о том, что они рарожичи, злато копят, хоромы возводят, иные рабов заимели, людьми торговать научились, что зерном или воском. Помни всегда, что ты вольный рарожич, а воля человеческая кончается тогда, когда он помыслил стать господином. С этого мига он становится рабом, и по воле своей, и по сути. Пусть рядом с тобой будут друзья, соратники и никогда – рабы, помни, Рарог, никогда! Иначе пресечётся твой со-

колиный род, впрочем, как и любой другой.

– Деда, – воскликнул малец, сияя очами от новой догадки, – слова «вольный», «воля» и «волна», они же сродственные, как мы с Трувором и Синеусом!

– Точно, сыне, верно смекнул, молодец! – похвалил его довольный учитель.

Лад

Как-то пришёл к избушке волхва дровосек. Был он прежде могуч статью и крепок мышцами, а нынче едва узнали его: согбенный, будто глубокий старец, с запавшими от боли очами, опираясь на два сучковатых толстых обломка ветки, он едва передвигал ноги. Ведамир с помощью Рарога быстро разоблачил стонущего от боли дровосека и уложил на широкую лаву. Ощупал руками живот и неодобрительно покачал головой.

– Худо, брат, живот ты надорвал, добро, что дошёл, а то беда, помер бы, – приговаривал старик, начав перемешивать, будто обычное тесто, враз ослабевший живот несчастного. Потом велел перевернуться и, что-то нашептывая, помял ему хребет. После того коротко молвил: – Давай, вставай полегоньку!

Дровосек принялся, сперва осторожно, а потом смелее вставать. Чело его озарило радостное удивление. Так же медленно и с опаской, он попытался

выпрямиться во весь свой могучий рост и, когда это ему удалось, счастливо заулыбался.

— Как думаешь, отчего беда с дровосеком-то случилась? — спросил волхв, когда тот ушёл.

— Неловко лесину дёрнул, вот и подорвал живот, — пожал плечами юный княжич, не понимая пока, в чём каверзность вопроса.

— Э, нет, брат Рарог, — возразил старик, пряча в бороду лукавую улыбку, — дровосек нам с тобою поведал, что лесина та обычная была, прежде и потяжелее поднимал, и ничего.

— Так он же и рёк, что не с руки как-то ухватился и поднял неладно, — всё не разумея, к чему клонит старик, отвечал княжич.

— Вот-вот, «неладно поднял», ладу, стало быть, в его ухватке не было. А с кем ладу-то не было, с деревом спиленным, что ли? Да и на кой тот лад нужен, ежели сила у нашего дровосека такая, что он медведя запросто завалить может?

Княжич растеряно захлопал ресницами.

— Ага, в теле дровосека, перед тем, как бревно взять, ладу не было, — продолжил волхв. — А отчего? Оттого, что по нашему телу, будто по воде, тоже волны ходят, и коли ход тех волн не сложен, то запросто мышцы порвать они могут, как старую вервь, и чем более в человеке силы, тем сильнее ущерб может стать.

– А ты покажешь мне сии волны? – загораясь любопытством, спросил княжич.

– Непременно. Тебе, как воину будущему, то крепко ведать положено, потому завтра начнёшь учиться ладу во всяких движениях: от ходьбы и плавания до того, как ковш с водой взять. А коли князем станешь, то помнить должен всегда, что коли не установишь лад в своём княжестве, то никакой силой его от гибели не спасёшь. Во всём лад должен быть! А Лад – есть Любовь, и без неё, любви, значит, всё сущее разрушается и гибнет: человек ли, семья ли, род его или держава. Там где нет Любви и Жизни, там правит Мор и Разруха!

Прошло два лета и две зимы волховской учёбы княжича Рарога.

Теперь перед волхвом стоял Трувор, а подле Ведамира Рарог.

– А ну-ка, княжич, покажи брату младшему, какими волнами воин володеть должен. Давай, коловратную волну покажи! Так, теперь батожную, из ярла в десной кулак, оттуда через плечи в шуйскую длань, – рёк волхв, глядя, как исполняет его повеления юный княжич. – А теперь ниспадающую покажи шуйцей, а сейчас обратную... – Менялись волны и направления их движения. Строго следил учитель и делал замечания,

подсказывая, в чём оплошность допущена.

— Ладно выходит, согласно. Вот так, Трувор, и ты научишься. Теперь, Рарог, на мне покажи скрутную волну. — Отрок подошёл к волхву сбоку и, запустив из чрева скрутную волну, передал её через сцепленные в замок руки в бок учителя. Тот качнулся и отступил в сторону на шаг.

— А тут сплеховал, не столько волну послал, сколько толкнул меня. Давай ещё раз, только силы не прикладывай, они дают свою волну и гасят ту, что из чрева идёт. — Ученик ещё раз повторяет передачу скрутной волны в десной бок учителя. На этот раз волна проходит, и Ведамир, будто лёгкий куль с паклей, отлетает в сторону шага на три.

— Вот, теперь то, что надо, пошла дрожь! — обрадовано воскликнул волхв, и очи его радостно блеснули.

Спустя время. Испытание Рарога

Ведамир оглядел ладную статью мальчика, взъерошил русые власы, сказал задумчиво:

— Что ж, брат Рарог, вот сегодня-то и узнаем, верно ли тебе имя дано, твоё ли оно.

— Как это, моё или нет? — даже насупился от неожиданности отрок. — Мне его отец по знаку Рода нашего дал, с волхвами советовался, разве могут волхвы ошибаться?

– Верно, сыне, волхв ошибается редко, потому как он всегда с жизнью и смертью беседу ведёт, верно ли сделал, по Прави ли. Вот сегодня и тебе такой совет предстоит держать, сродни волхвам, ибо непростой день у тебя нынче. Коли правильно я тебя учил, коли сильна в тебе сила Рода, останешься Соколом на всю жизнь, а коли нет, то придётся другое имя искать...

– Не хочу другого, Рарог моё имя! – с вызовом ответил отрок.

– Поглядим, – умело скрывая волнение, ответил старый волхв. – Пойдём в лес.

– Скажи, отче, – вопрошал по пути Рарог, – ведь ты и так ведаешь, что под стрелами я добре стою, руки мои, что десная, что шуйца, одинаково владеют и мечом, и ножом засапожным. В лесу могу без всяких припасов с одним ножом хоть год жить. Травы, что лечат раны и недомогания всякие, тоже ведаю, на что это испытание?

– Всё, что речёшь, правда, да не вся. Воин-рус, он не только телом, но и духом силён, потому мы издревле могли стоять супротив превосходящих врагов. Сила наша, она от богов и предков к нам водой живой течёт, и коли есть у тебя в душе доступ к родникам сим светлым, быть тебе воином-русом, Рарогом-Соколом! Вот здесь останешься пока, – указал волхв на холмик у старого дуба. – Слушай лес, его голоса, а лучше

всего постарайся услышать голоса предков, они помогут тебе в трудный миг испытания. – Ведамир, достав повязку, плотно завязал глаза ученика. – Когда услышишь филина, иди на его зов! – сказал на прощание кудесник, уходя по уже плохо различимой в сгустившихся сумерках тропинке.

Мало того, что наступила ночь, под повязкой была полная чернота. Отрок прикрыл бесполезные сейчас очи, обратившись целиком в слух и чувства. Сердце его гулко колотилось от волнения: сумеет ли он выдержать испытание, и каким оно будет, откуда ждать опасности и как ощутить поддержку рода? Слушать, слушать и ощущать всё вокруг. «Мы никогда не бываем одни, с нами всегда наши предки, нужно только понимать и чувствовать их», – так всегда говорит дед Ведамир. Вокруг жили такие привычные голоса ночного леса: птичьи перещёлки, звериные шорохи, жужжание ночных насекомых. Рарог знал: это голоса его рода, которые говорят с ним, но о чём, пока уразуметь не мог. Сколько он просидел под дубом, не ведал. От старательного «слушанья мира» Рарог стал как бы раздваиваться. Что-то переменялось в нём и вокруг.

Он по-прежнему сидел под раскидистым дубом, но в то же время как бы начал видеть себя со стороны. «Как же я вижу себя и звёздное небо над зелёной кро-

ной?» – удивился отрок. Тем же невидимым зраком Рарог увидел, как прошмыгнула через поляну рыжая лиса, как завозился усердный ёжик в траве, как уселся на древо над его головой большеглазый филин и несколько раз пугающе «ухнул».

Услышав вещую птицу, отрок поднялся. Филин сорвался с ветки, и его «ух-ху» раздалось где-то впереди. Рарог пошёл на зов, раздвигая руками невидимые ветви. Каким-то образом он ощущал корни под ногами и толстые сучья, от которых нужно уклоняться на ходу. Затем пространство вокруг расширилось, видно, он вышел на поляну или лесную опушку. Филина не было слышно, и Рарог в растерянности остановился.

В этот самый миг что-то больно ударило его по плечу.

– Защищайся! – молвил чей-то глас, и Рарог ощутил, что ему в десницу вложили крепкую палицу. Тут же он почувствовал опасность над головой, и рука сама привычно закрыла голову, подставив палицу, по которой и пришёлся удар. Потом удары посыпались с разных сторон. Он не знал, сколько нападавших, и едва успевал увести тело и защититься палицей, как ощущал новые нападения. Рарог отбивался, не чувствуя боли в разбитых пальцах, саднящих плечах, боках и спине. Каждый новый выпад палицы противника раззадоривал всё больше, заставляя тело предугады-

вать угрозу и в мгновение ока уходить от неё. Но даже если он пропускал удар, всё одно успевал собраться и сработать, как невидимый щит, о который, он это чувствовал, может без ущерба для тела расщепиться даже крепкая древесина. Наконец удары прекратились. Рарог постоял немного и опустил палицу.

– Брось её, – повелел чей-то голос. Кто-то возложил руки на плечи разгорячённого и оглушённого отрока, повернул несколько раз вокруг себя и, не снимая повязки, велел: – Беги!

Скорее!

Он побежал, не ведая куда, стараясь выше поднимать ступни, чтобы не зацепиться за корягу или камень, не разбиться со всего маху о землю. Мелкие ветки хлестали со всех сторон, пот струился между лопаток и обильно стекал с чела под повязкой. На какой-то миг отроку показалось, что он, как под дубом, начинает видеть тропу как бы в сером мареве, какое бывает светлыми летними ночами. Рарог побежал увереннее и... вдруг ощутил, что земля разом ушла из-под ног. Он полетел в пустоту, тело невольно сжалось в комок в ожидании страшного удара о землю, наверное, последнего в его жизни. Изначальный животный страх накрепко сковал волю, мысли беспорядочно заматались в черепушке, как пойманные в клетку мыши. И только одна, где-то на краю сознания, на-

помнила: это испытание, и ты должен выдержать его с честью! Миг падения замедлился, Рарог снова как бы отделился от своего тела и... ощутил полёт. Он почувствовал себя соколом, прочерчивающим небо острыми сильными крыльями. Страх ушёл, осталась только удивительная свобода парения, дарящая ни с чем не сравнимый восторг. Ему показалось, что полёт был долгим, а потом мягкое приземление. Отрок ещё некоторое время лежал, не желая расставаться с дивным ощущением вольного полёта, потом сел. Кажется, вокруг никого, хотя, погоди, даже с закрытыми очами он почуял на себе чей-то взгляд.

— Отче Ведамир, повязку-то снимать? — спросил малец. Но ему никто не ответил, слышался только негромкий свист. Подождав ещё, Рарог снял повязку и огляделся. Он сидел на толстой подстилке из душистого сена. Подняв голову вверх, прикинул, сколько же он летел с обрыва. Неужто так мало, а почудилось, будто долго-долго продолжался волшебный полёт. Тут вновь справа слышался свист. Ага, вон кто на меня глядит!

— Знаешь, Сварга, а я тоже был соколом и летал, вольно летал, как ты! — поделился своей радостью малец. Божеская птица наклонила гордую голову и на сей раз что-то проклекотала. Рарог вдруг понял её ответ, прозвучавший где-то в голове.

– Я ведаю, ты, в самом деле, Рарог, и мы с тобою отныне родичи.

– Чудно, так я тебя теперь разумею, как и дед Ведамир, так всегда будет?

– От тебя зависит.

– А где отец Ведамир? В избушке? Где ж ему ещё быть, – сам себе ответил отрок. – Тогда пойдём, обрадуем его, я ведь прошёл испытание? – Рарог выбрался из оврага и двинулся в сторону Священной рощи, срывая по пути белые корзинки порезника, слегка прожёвывая его и прикладывая к саднящим ранам на руках и челе. Отрок вновь и вновь переживал волшебный миг полёта. Душа и тело ещё дрожали от испытанного ликования, и волны радости, одна за другой, охватывали всё существо отрока. Вот и тропинка, ведущая к их жилищу. Как остро сегодня ощущаются звуки, запахи, какие яркие цветы и листва, будто омыты чистой студёной водою весеннего ливня.

Рарог вдруг остановился, настороженно поднял голову и глубоко потянул носом воздух. Точно, будто гарью потянуло, как есть гарью, такого запаха здесь не было никогда. Ах да, на днях огнищанин приходил к волхву, просил благословления на новую пашню. Они собирались лес общиной выжигать. Огнищанин и Ведамир поговорили тогда, что ветер как раз подходящий для такого дела.

– Погоди, Сварга, – снова замер юнец, – ветер-то, кажись, сменился, а ежели так, то... аккурат на Священную рощу гонит, беда! – уразумел Рарог, приглядевшись, куда клонятся кусты и деревья. – Тревога охватила мальчика. – Надобно поглядеть, что там! – И отрок побежал по тропе. С каждым шагом запах гари крепчал, вот уже потянулся и сизый дымок. Стали доноситься голоса людей и стук топоров. Вскоре он выбежал к огнищанам, которые неровной цепью растянулись справа и слева от поляны и торопливо рубили деревья, рыли землю, с тревогой поглядывая на густеющую впереди дымную завесу.

– А отец Ведамир тут? – спросил запыхавшийся отрок у одного из огнищан.

– Послали за ним! – громко ответил тот, продолжая споро орудовать заступом. Рарог тут же принялся помогать огнищанам валить деревья и оттаскивать их подальше от полосы перекопанной земли. Уже ощущалось приближение пожарища, слышен был дальний гул огня и громкие хлопки лопающихся от неимоверного жара деревьев. Из дымных клубов выбежали ещё несколько закопченных огнищан, они с трудом удерживали исходящую рыданием, вырывавшуюся из их рук молодицу.

– Дитя у неё где-то подле ручья осталось, туда сейчас не пробиться!

– Подле ручья, это там, где гряды каменная и старая сухая липа? – уточнил Рарог, который за время учёбы у волхва исходил всю округу и знал в лесу каждый камень и каждую ложбинку.

– Да, только туда теперь нет дороги, стена огненная, деревья горящей смолой брызжут, не пройти, – сам едва не плача, молвил огнищанин.

Княжич поглядел на молодницу, которая в исступлении заламывала руки и кричала, вцепившись руками в собственные волосы. Потом устремил взор в глубь леса, словно хотел пронзить огонь и дым, и вдруг в какой-то миг ясно узрел то место с высоты, будто летел над ним птицей.

– Я со стороны каменной гряды попробую, – молвил княжич и бегом сорвался с места.

– Куда ты, там тоже не пройти! – крикнул ему вслед кто-то, но Рарог уже бежал меж деревьев, всё больше кашляя и задыхаясь от дыма.

– Отче, – крикнул, увидев спешащего к ним волхва, голый по пояс и мокрый от пота огнищанин с торчащей копной волос, – а мы тебя обыскались, вишь, ветер ни с того ни с сего, в обрат повернул, беда будет, коли на Священную рощу перекинется!

– Вижу. Речёшь, ни с того ни с сего ветер повернул? – переспросил Ведамир. – Ничего в сём мире не происходит супротив воли богов наших.

– Сыне, сыне мой!! – всё голосила несчастная огнищанка.

– Дитя у неё там осталось, – глухо обронил огнищанин, – а твой ученик, отче, за ним в огонь ринулся, и удержать не успели...

Волхв замер от этих слов. Прикрыл очи, провёл дланью по усам и бороде. Потом твёрдо молвил:

– Я сейчас буду со Стрибогом-батюшкой беседу вести, а вы продолжайте, всё верно делаете, коли поспеем, огонь далее не пойдёт. – Волхв отошёл чуть поодаль и, воздев к небу руки, начал что-то говорить быстро и непонятно.

Княжич не видел, как за ним следом пустился отец оставшегося в огненной западне мальчика. Только слышал сзади чей-то топот и возгласы, но вскоре перестал их различать, бежавший, видно, взял левее. Остановившись у небольшой мочажины, Рарог быстро сунул в воду руки по локти, а потом побежал дальше, прикрывая рот и нос полусогнутой рукой, стараясь дышать через мокрый рукав. Пересекая ручей, княжич намеренно упал в его прохладное ложе, перевернулся в воде несколько раз и снова побежал. Здесь тоже горел лес, но он был тут небольшой и чахлый, потому что из земли выпирала каменная гряда. Несколько раз отрок срывался с горячих округлых камней, но, на счастье, не покалечился, лишь доба-

вил себе синяков и ссадин. Даже когда прямо на него упало горящее дерево, княжич в последний миг успел ящерицей юркнуть за большой валун, который и принял на себя всю силу удара, обдав Рарога целой охапкой горячих искр. Те, что попали на мокрую рубаху, зашипели, а те, что на голову и, особенно, за шиворот, больно прижгли, впиваясь раскалёнными иглами в кожу.

Он пробежал ещё немного и был вынужден остановиться. Тело обдало таким жаром, что княжич невольно попятился, мокрая одежда запарила, обжигая кожу. Неужели дальше не пробиться? Ведь вон уже она, старая высохшая липа, вернее, оставшаяся от неё часть ствола, а ветви и крона уже давно обломаны ветрами и временем. Туда огонь, кажется, не добрался, кругом камни и лужайка зелёной травы, потому что из чрева земли пробивается холодный родник. Дым застилает островок, и не видно, есть ли там дитя. Но пройти туда невозможно от уже сгоревших деревьев, превратившихся в обугленные столбы, готовые в любой миг упасть. От горящих стволов пышет таким жаром, что впору жарить мясо на вертеле. Назад тоже не уйти: там, где он только что прошёл, встала сплошная стена огня. Рарог снова закашлялся, одежда почти высохла, и рукава рубахи теперь мало помогали. Сейчас бы в ручей окунуться, но до него шагов десять

сплошных пылающих углей. Совсем рядом одно дерево угрожающе наклонилось в его сторону, а другое упало, взметнув россыпи блестящих искр. Точно такие завихрения оставались на огненной дорожке, которую разравнивал отец Ведамир перед хождением по ней босиком в праздник Купалы.... «Я же не раз ходил по углям, – вспомнил Рарог, – пройду и сейчас!» И княжич побежал, вздымая босыми ногами столбы искр и пепла. Деревья падали, а Рарог бежал. То ли ночное сидение под дубом с завязанными очами и нынешнее испытание, то ли запах гари и вид пламени пробудили до необычайной ясности далёкие воспоминания детства. Рарогу казалось, что его снова несёт на руках по пылающему Гам-граду сильный воин, а вокруг горят не деревья и кусты, а терема и конюшни. Огонь вокруг, огонь под ногами, кажется, даже внутри, главное – не споткнуться и не упасть. Он всё-таки упал, но уже в воду ручья, прохлады которой даже не почувствовал, а только горячечную боль в обожжённом теле. Добрался почти ползком по ручью, скользя на обросших зеленью камнях до зелёного островка, но не сразу нашёл малыша. Маленький, испуганный, он забился под вымытые дождями корни высохшей липы и уже не плакал, а только всхлипывал, но был жив. Рарог прижал маленькое тельце к себе. Он не замечал саднящих ожогов и порезов, а только ощущал, как бьётся

в нём испуганное сердечко дитяти. Княжич долго сидел, держа дитятко на руках, поливая водой и защищая его своим телом, и не сразу заметил, что ветер поменялся. Он дул теперь снова от Священной рощи к морю.

– Чудно, – вымолвил потрескавшимися от жары устами княжич. И вдруг явственно ощутил на себе пристальный взгляд, и голос отца Ведамира спросил: «Отчего нынче переменился ветер?»

Рарог стоял под Священным дубом. Весь ещё в синяках, ссадинах, с обгоревшими бровями и волосами на голове, но в чистой расшитой рубахе, перехваченной поясом, и портах. Рядом с ним стояли отец Ведамир и дядька Добромысл. Они творили благодарственную молитву богу Прави и Огнебогу-Сварожичу за чудесное спасение княжича и сохранение жизни маленького сына огнищан. Потом взрослые повернулись к нему, и волхв, положив длань на плечо княжича, весомо произнёс:

– Ты сотворил сей огненный переход не от каменной гряды к ручью, через пылающий лес, а от своего детства, через огонь и смерть, к взрослой жизни. Ибо принять решение спасти другую жизнь, жертвуя своим животом, надлежало только тебе самому. И тот, кто не задумываясь ни на миг, проходит огненный путь,

тот становится настоящим воином по сути своей, а не по возрасту или званию. Нынче ты доказал, что крепок не токмо телом, но и духом, а огнебожьи отметины Сварожича – то особый знак, от угольев пылающих добрая сталь только крепчает! – улыбнулся Ведамир.

– Тебе ещё нет пятнадцати, – отозвался дядька Добромысл, – однако клятвой воинской ты Перуну уже присягнул. Пришла пора воинского пострига!

Дядька Добромысл остро отточенным ножом живо обрил княжичу голову, оставив посредине только чуб.

– Ну вот, – молвил он, любуясь своей работой, – теперь все будут видеть, что ты Рарожич. Посему я рад нынче вручить тебе отцовский меч. Прими, Рарог, клинок Годослава, носи его с честью, как отец носил! – И князь протянул племяннику меч в ножнах. Подрагивающими от волнения руками княжич принял драгоценный клинок, обнажил полированное лезвие, которое заиграло на солнце огненными бликами, и приложился к нему устами у рукояти там, где красовался сокол и руна рода «R»

– Клянусь Перуну, богу Прави, стоять за справедливость! – взволнованно воскликнул княжич.

– Отныне ты воин, – весомо и торжественно молвил отец Ведамир. – Крепко держи клятву, данную Перуну. Неси имя своё по жизни с честью, не предавай, не злобствуй, не юли, не лги и не завидуй! Всегда гляди

прямо в лик опасности, и бог Род-Сварожич в образе сокола непременно придёт на помощь тебе! Ибо сокол – священная птица, он живёт и сражается только по Прави, он не ястреб какой, что может закогтить добычу хитростью и коварством, главное оружие сокола в быстроте и мощи удара!

А когда они уже шли по тропе обратно и Рарог, опоясанный мечом, с гордостью придерживал рукоять у левого бока, дядька, вздохнув, сказал:

– Что ж, Рарог, коль стал мужем, знать, пришла пора исполнять обещание, данное немецкому королю: жениться на принцессе франков. Так-то, брат! Дочь мне поведала, – повернулся Добромысл к волхву, – что Людовик сызнова армию собирает, вроде глинян с некоторыми племенами ободритскими за то, что они Гам-град опять порушили, наказать хочет. Будет ли когда-нибудь мир на этой земле?

– А как дочь твоя, Добромысл, ладно ли живут они с принцем франкским? – спросил волхв.

– Живут, – неопределённо махнув рукой, нерадостно ответил князь. – Недавно приезжала погостить и внуков показать, – голос его чуть дрогнул. – Лопочут по-немецки, муж не позволяет словенской речи учить. Одно слово – чужие! Дочери по их закону веру латинскую пришлось принять. Не могу зреть, – с болью вы-

молвил князь, — как кровь родная онемечивается, а поделаться-то ничего не могу! В самое сердце, супостаты, ранили! Душу наизнанку выворотили!

— Дядя, как это муж не велит детям по-словенски речь? — вмешался в разговор Рарог. — Тогда и я своей жене не позволю на немецком со мной говорить, пусть нашей речи обучается!

Старый волхв и князь с улыбкой переглянулись. Дядька одобрительно похлопал Рарога по плечу.

— Слышу слова не отрока, но мужа ободритского!

Прошло несколько лет

Князь Рарог в полном воинском облачении с болотным мечом на боку стоял перед своей храброй дружиной под княжеским штандартом: белым соколом на красном поле. С непокрытой бритой головы Рарога ниспадала длинная прядь волос, — признак знатности рода у всех варягов-руси. Справа от князя, чуть ниже, стояли его младшие братья, также в кольчугах, со щитами и мечами.

— Мужи ободритские, рарожичи! Нурманы напали на наших купцов. Давно такого не случалось, видать, решили, что коль князь молодой, так и опасаться возмездия нечего. Потому следует нам пойти и напомнить, что мы всё те же сыны Сокола.

Слава Перуну, богу-защитнику Прави!

– Слава, слава, слава!!! – троекратно громогласными криками ответили дружинники.

– По лодьям, братья! – зычно повелел молодой князь и глядел, как воины сноровисто занимают места в своих кораблях. – Трувор, ты за старшего во второй лодии, а ты, Синеус, замыкающим в охране.

– Опять в охране, – недовольно буркнул про себя младший рарожич с ещё юношеским пушком вместо усов, но противоречить брату не стал и побежал в конец каравана.

– Ререх! – услышал князь девичий возглас за спиной. Обернувшись, он узрел пламенеющие на ветру рыжие волосы своей жены, которая бежала к нему и махала рукой, а второй придерживала длинное платье. Подбежав, она обняла Рарога и быстро заговорила по франкски:

– Майн либер манн! Ихь верде ауф дихь вартен!

– Нет, Ружена, скажи по-русски: «Я буду тебя ждать!»

– Йа буду тьебя шдать, – с сильным франкским выговором медленно вымолвила регина.

– Ну вот и славно, пока вернусь, постарайся научиться, гляди, как у твоего охоронца Вольфганга ладно выходит, борзо речь славянскую ухватил.

– Корошо, мой король, я будеть старайтся, – утирая выступившие слёзы, ответила девица.

Глава II

Ольг из Приладожья

Словения. Приладожье. 858 г. Неудачное свидание 16-летнего Олега с Велиной. Отец девушки прогоняет его: «Сначала добро накопи!» Сестра Ефанда утешает брата. Приходит драккар викингов, они просят у старосты разрешения похоронить своих умерших. Ас-скальд поёт песню. Ольг вместе с 10 юношами из Приладожья нанимается к викингам гребцом в надежде заработать на свадьбу. Первое упоминание о Рагоге. Морская служба. Воспитание викинга. Схватка с норманнами. Эсты спасают Ольга. Град Волин

Юноша лет шестнадцати поглядел ещё раз на своё отражение в бочке с водой, поправил льняную рубаху с вышивкой по вороту. Новая рубаха немного топорщилась, расширяя его уже достаточно крепкие плечи и грудь. Зато поясок с обережными кельтскими рунами, что недавно для него соткала сестра, ладно охватывал стан. Порты не совсем новые, но и не старые, правда, из шерсти для зимы, но летние, которые всё время носил, для такого случая вовсе не годились.

— Ольг! — вышла на крыльцо девица лет тринадцати с зеленоватыми очами и белыми, заплетёнными в косу волосами. На ней была длинная — на вырост —

рубаха из выбеленного полотна с вышивкой по вороту и на предплечьях. На шее – старинный кельтский оберег с разомкнутыми концами. – Куда ты вырядился, а порты отчего зимние надел? Опять к ней собрался? – глаза младшей сестрёнки заискрились от любопытства.

– Отчего обязательно к ней, так пройтись, да и только, – стараясь говорить беззаботно, молвил юноша. Он немного подумал и надел на голову берестяное очелье, которым обычно прихватывал свои длинные белесые, как у сестры, волосы во время работы.

– Это чтоб волосы не мешали, коли целоваться придётся? – ехидно прыснула сестрёнка и тут же шмыгнула обратно в дверь, потому что брат обрызгал её зачерпнутой из бочки пригоршней воды.

Проходя по улице, Олыг поздоровался с кузнецом, который отдыхал после нелёгкой работы на широкой колоде. Прошлым летом юноша у него был в подмастерьях.

– А что, Олыг, не решил ещё ко мне в ученики пойти, гляди, ведь так, как я, тебя никто не научит, – окликнул его закопченный мастеровой. – Вот уйду на покой, так ты первым кузнецом на всём Приладожье будешь, точно тебе реку!

– Дядька Кряж, разве мало у нас ребят крепких, вон Окунь, Валуи, Шульга...

– Ах ты ж, зелена медь! Да при чём тут крепкий не крепкий, – раздосадовался Кряж, – молотом махать любой здоровый дурень может, а вот кузнецом мало кто способен быть! А ты из кельтов будешь, ваш род всегда железо разумел. Это ж, брат Ольг, волшба, а не ремесло. Вот как пришёл я когда-то к своему учителю, гляжу – маленький, сухонький, что твой гриб-сморчок, мыслю, какой же это кузнец? Мне-то виделся настоящий повелитель железа, чтоб косая сажень в плечах, грудь, что бочонок твой, и кулаки с голову младенца. Да после оказалось, что нету равных моему учителю в сём труде ковальском. Он мне всегда повторял: не тот кузнец, кто молотом стучит, а тот, кто душу железа зрит. – Очи Кряжа засияли, как всегда, когда он начинал речь о любимом деле, забывал тогда обо всём и мог долго и складно сказывать о своём промысле. Ольг хотел поскорее уйти, но понимал, что тем может обидеть словоохотливого кузнеца, которого все в Приладожье уважали за его мастерство и добродушный нрав.

– Помню, первый раз закладывал я руду в домницу, а учитель мой только глядел молча. Вдруг он мне, так же молча, подзатыльник отвесил. За что, говорю, я ведь всё сделал в точности, как ты в прошлый раз. А за это самое, речёт. В прошлый раз, когда мы домницу заряжали, сыро было и холодно, да и руда из другого

места была, иная руда, понял? Запомни, речёт, всякий раз всё делается в нашем деле впервой, потому как руда, погода, уголь древесный, всегда иные. Да и крица одна для клинка гожа, а другая только для крюка или подковы. Волшебство работа наша, а не слепое повторение. Ведь в домницу не заглянешь, как в котёл, где кашу варят, и ложкой на вкус не попробуешь, а передержать или недодержать нельзя, не будет доброго железа! То-то, зелена медь! — Кузнец с досадой махнул рукой и пошёл обратно в свою кузницу, а Ольг заспешил своим путём.

Юноша осторожно подошёл к дому Велины, ему очень не хотелось встретиться со строгим родителем возлюбленной. Пёс за изгородью начал было лаять, но Ольг окликнул его и швырнул загодя припасённую кость. Услышав знакомый голос, да ещё и получив «подарок», страж тут же замолчал и принялся за подношение.

— Велина, — тихо позвал юноша, стараясь унять вдруг разволновавшееся в груди сердце. — Велина! — уже громче окликнул он и пару раз стукнул железным кольцом по калитке.

Тихо хлопнула дверь, и знакомые лёгкие шаги прошелестели по дорожке. Калитка, скрипнув, отворилась. Пред юношей предстала ладная черноглазая девица с туго заплетённой косой, перевитой лентами,

в расшитой белой сорочке тонкого полотна и красной понёве, облегающей стан. На шее в три ряда красовались цветные бусы, а на голове был тонкий серебряный венец с височными кольцами и подвесками в виде лунниц.

— Ты чего, Ольг, — стала выговаривать она, — упреждала же, отец вчера вернулся, сердит на всех, что-то у него не сложилось с торговлей в Ладоге...

— Я тебя увидеть очень хотел, Велинушка! Мы с отцом живицу на днях заготавливать поедem, долго не свидимся...

— Я вот сейчас дубину-то возьму и хотение твоё сразу поубавлю, узнаешь, как девкам голову кружить, — грозно прокричал, выходя из-за угла дома, отец де-вушки.

— Так я же не просто так, дядька Бажан, — растерянно проговорил юноша, — я ж сватов засылать по осени хочу...

— Сватов засылать? — ещё более взъярился Бажан, хватая первую попавшую под руку палку. — Да ты сначала добро накопи, хозяйство заведи, а потом про жe-нитьбу мысли! — Купец проворно ринулся в сторону Ольга, который поспешно скрылся за калиткой и был таков.

Ефанда нашла брата сидящим на камне у воды. Он

сидел неподвижно, обхватив голову руками.

– Ольг! – осторожно тронула она за плечо. Юноша не отзывался. – Что, опять прогнал? – спросила она и уселась рядом. – Может, оно и к лучшему, – по-взрослому проговорила девчонка, – не нравится мне твоя Велина... Красна, знамо дело, да вся из себя такая важная, одевается, как боярыня...

– Много ты понимаешь! – утирая глаза от невольных слёз, сердито обронил юноша. – Всё равно моя будет! – с вызовом произнёс он и стал с силой бросать в воду камни.

– Чего зазря-то водяника с русалками тревожишь? – спросила сестра. И вдруг насторожилась. – Слышишь, кричит кто-то?

– Где? – наострил уши Ольг.

– На улице, пойдём скорей! – И брат с сестрой побежали в посёлок.

Ещё издали они узрели босоногого мальчика, который размахивал руками и кричал:

– Нурманы! Нурманы идут!

На улицу стал выбегать всякий люд: кузнецы, скорняки, женщины, дети. Некоторые мужчины с вилами и рогатинами, иные с пиками, а то и мечами.

– Неужто опять грабёж? – вопрошали друг друга люди.

– Нет, купцы! – отвечал на бегу малец.

– Знаем мы этих купцов. Я прошлый раз двоих на вилы поднял, когда они мой двор грабить пришли... – мрачно молвил могучий словен.

– Говорят, на них мор напал, хоронить своих будут...

– А чего орёшь-то, коли они не грабить, а хоронить пришли? – спросил кузнец Кряж.

– Да не ору, я к старосте бегу, вы ж сами первые меня спрашивать начали! – с обидой в голосе отвечал малец и, решительно махнув рукой, быстро побежал по улице в сторону дома старосты – отца Ольга и Ефанды.

– Так речёшь, ярл, от неведомой болезни воины твои померли? – прищулив правое око, молвил коренастый староста Приладожья с белыми, чуть «позолотившимися» от работы на солнце волосами.

– Да, хёвдинг, именно от болезни, – закивал своей большой головой, похожей на медвежью, ярл по имени Лодинбьёрн – Косматый Медведь. – Выдели нам место для погребения усопших, чтоб мы по нашему обычаю их достойно проводить смогли... – Его слова переводил сухощавый невысокий воин с водянисто-невыразительными очами и обязательной для всех викингов бородой, которого именовали Аскальд, – что по-нурмански означало «божественный

певец».

В полной мере значение его имени раскрылось только тогда, когда мёртвых викингов сложили в доспехах и вместе с оружием на погребальный костёр из брёвен и оградили камнями в виде лодии. И тут скальд, выйдя вперёд, запел. Он пел красивым и мощным голосом о славных родах, из которых вышли погибшие викинги. О великих богах, которым они служили, о подвигах, которыми прославились воины Одина, Тора и Тюра. О прекрасной Вальгалле, в которой боги ожидают павших героев, чтобы взять их в своё небесное войско и вместе с ними вступить в Конце Всех Времён в последнюю битву с силами Тьмы.

«Боги любят только воинов!

Боги ждут в Вальгалле тех героев, кто умирает в битвах!

Вы будете пить там божественный эль из чаши, которая никогда не иссякнет! Вы будете охотиться на оленей, медведей и кабанов, счёта которым, кроме богов, никто не знает! Вы будете гибнуть в бесчисленных схватках и каждый раз воскресать снова, чтобы бесконечно наслаждаться звоном оружия и шумом битвы!

Такова судьба всех героев!

Идите же, мужественные воины, прямо в Вальгаллу дожидаться там последнего боя, в котором вы будете

сражаться рядом с богами, подобные богам!» Об этом пел скальд.

В Приладожье издавна живут рядом словене, весь, чудины, варяги, встречаются также даны и свеи, даже норвеги, потому некоторые жители посёлка разумели нурманскую речь и переводили песнь своим соседям. Хотя все знали, что викинги на самом деле больше разбоем, чем торговлей промышляют, но пламенная песня искусного в слове скальда задела слушателей до глубины души. Иные приладожцы, вслед за нурманами, роняли невольную слезу.

Ольг с Ефандой тоже присутствовали на погребении викингов. Юноша зачарованно слушал певца, и пред очами так и вставали морские походы и жаркие сражения.

Когда скальд закончил песнь, ярл взял горящий факел и поджёг кострище с телами мёртвых.

– Пойдём отсюда, – потянула его за рукав сестра, глядя огромными смарагдовыми очами, полными какого-то неведомого страха, – пойдём, братец, неладно здесь! – Ольг нехотя пошёл в посёлок с Ефандой. На пристани, где у причала стоял нурманский драккар, юноша невольно остановился.

– Гляди, Ефанда, какая лодья, как добротнo сработана, верно, хороша в ходу, – восторгался Ольг, оглядывая чёрные борта драккара, его выкрашенную си-

ним корму и нос, который венчала голова злобно оскаленного медведя. Юноша всё ещё был под впечатлением песен Ас-скальда.

– Нет, – упрямо замотала головой младшая сестрёнка, – страшный он, чёрный, не токмо снаружи, но и по сути своей, кровь тут, братец, беда! – И она снова стала тянуть его за рукав, как на нурманском погребалище. Олыг хотел на сей раз воспротивиться и остаться, но, взглянув в очи Ефанды, как часто бывало, не смог перечить ей и дал увести себя, иногда оглядываясь на дивную нурманскую лодью.

«Надобно будет самому прийти, без Ефанды», – решил про себя юноша.

– Плутуют сей купец нурманский, – говорил дома за вечерним столом староста. – Речёт, от болезни неведомой его гребцы умерли, да меня-то не обманешь, рубленые раны на телах покойников я заметить успел...

Эту ночь Олыг почти не спал, ворочаясь на душистом сене под навесом из сосновой коры. Мысли о Велине, о прочном драккаре, несущем в себе мощь морских просторов и грубую силу суровых бородатых воинов, о своём предназначении в жизни, и ещё образы чего-то неведомого, но важного и значимого – всё смешивалось, причудливо переплетаясь. Отец Олы-

га с Ефандой происходил из старинного рода кельтских друидов, и способность порой зреть неведомое была привычной с самого детства. Даже имя «Ольг» все воспринимали, переводя с языка вепсов, как «солома», что подходило к цвету волос, но отец открыл ему кельтское значение имени и предупредил, что никто случайный того значения знать не должен, тогда оно проявится в полную силу и определит его жизнь. Ощущение, что что-то должно произойти этой ночью, не покидало молодого кельта весь вечер, потому он не пошёл спать домой, а улёгся на сеновале. Звёздное небо, духмяное полевое сено, таинственные звуки ночи и ощущение огромности мира давали простор чувствам и разуму, телу и душе. Иногда мысль прерывалась, и виделись какие-то кровавые стычки, большие сражения, многие лоды и лица воинов...

На следующее утро Ольг уже был у чёрно-синего драккара, он с восторгом глядел на обветренных и уверенных в себе скандинавов. На причале были выгружены некоторые тюки и бочки с товарами. Купец придиричиво оглядывал их, когда к нему подошёл тот самый певец.

– Послушай, Ас-скальд, ты сейчас уедешь в Альдогу, а кто будет помогать мне торговать, я ведь не понимаю словенской тарабарщины? – озабоченно проговорил нурманский купец.

– Ты же знаешь, Лодинбьёрн, что это повеление Олафа, а толмача я тебе постараюсь сыскать.

– Я могу быть толмачом, – неожиданно даже для себя, по-нурмански молвил Ольг, подходя к купцу.

– Ты из свеев, судя по выговору, – молвил купец, внимательно оглядывая крепкую статью юноши.

– Мой род долго жил в стране свеев.

– Тогда давай со мной на торжище, сейчас воз за товаром подъедет, как зовут тебя, юноша?

– Ольг, – ответил юный приладожец.

– А что означает твоё имя?

– По-местному, по-словенски, Вольга – «прекрасный», а на вепсском языке, «ольг» означает «солома», – уклончиво ответил Ольг.

– Солома? – громогласно расхохотался Лодинбьёрн, хлопнув себя по бёдрам. – Ну и имена у вас, деревья, цветочки, разве это имя для мужчины? Я буду называть тебя Хвитрбарт – Беловолосый!

Все последующие дни Ольг помогал ярлу в торговле как толмач.

– Хвитрбарт, ты можешь найти мне десятка полтора крепких мужей, что уверенно держат в руках весло и меч? Платить буду хорошо. – Бородатый здоровяк Лодинбьёрн молвил это как бы между прочим. Увидев, как загорелись очи юноши, добавил, хитро сощурившись: – Тебя первым приглашаю, увидишь новые зем-

ли, познаешь долю настоящего викинга, грозы морей, а уж добра сколько заработаешь!

Последние слова нурмана напомнили юноше грозные окрики отца Велины. Мысль о том, что он может испытать себя, стать настоящим мореходом и вернуться к Велине и её отцу с щедрыми дарами, всё больше нравилась Ольгу. Теперь юноша засыпал и просыпался с мечтами о предстоящей новой жизни викинга. Но ни отцу, ни матери об этом до поры до времени не говорил. Только чуткая сестра сама с тревогой спросила:

– Ты что задумал? Мне Жданка Быков сказывал, будто ты его брата уговаривал идти в викинги, стяжать славу и достаток...

– Сами боги даруют мне сей редкий случай, – стал с жаром доказывать сестре Ольг, – либо я загину в славном бою, как поёт Ас-скальд, либо вернусь домой совсем другим. Тогда-то уж точно дядька Бажан не станет возражать против моей женитьбы на Велинушке!

Сколько ни отговаривала его Ефанда, сколько ни плакала, но брат твёрдо стоял на своём.

Незадолго до отхода Ольг с двумя десятками друзей стоял перед драккаром. Ярл Лодинбьёрн, мощный и лохматый, прошёлся вдоль выстроившихся молодых ладожан, придирчиво осматривая каждого.

– А ну-ка, проверим, как вы мечом владеете, – молвил важно Ярл и кивнул стоящему рядом пожилому викингу. Тот принёс меч и щит и стал проводить поочерёдно с каждым из приладожцев пробные поединки.

Ярл отобрал четырнадцать молодых и крепких ладожан. Но четверо в последний момент раздумали, подчинившись воле родителей. Всего вместе с Ольгом на драккаре уходили десятеро сотоварищей.

– Не ходи с викингами, братец, прошу тебя! – снова умоляла Ефанда. – Мама, отец, не отпускайте его!

Мать плакала, собирая в дальнюю дорогу одежду и снедь, уж она-то знала, из-за кого решил податься в дальние края её любимый сын, но знала и то, что по характеру он весь в отца, и если что решил, не откажется от задуманного.

– Мужичи в кельтских родах исстари сами отвечали за свою судьбу, так поступил когда-то и я, уйдя из страны свеев в эту приладожскую землю. Теперь ты, Ольг, взрослый, я обучил тебя обращению с железом и деревом, ты достиг возраста мужа и сам должен принимать решение. Но одно скажу, жить среди нурманов тебе будет трудно, раньше или позже ты покинешь их страну, как это сделал я в своё время. Да хранит тебя Беленус! – молвил отец и обнял сына.

– Я знаю, отчего ты поступаешь так, братец, и не могу тебя остановить, – тихо и печально молвила

Ефанда, глядя на него как на шаловливого мальчика. Движения её были непривычно медленными, из зелёных очей покатались слёзы. – Вот, возьми сей старинный торквис, – шмыгнув носом, еле слышно молвила она и, сняв со своей шеи, надела на него оберег. – Дар покойной бабушки, он тебе поможет, я знаю... – Девчонка разрыдалась и убежала. Провожать драккар она так и не пришла. Не пришла на пристань и Велина, но тайная их встреча состоялась вечером накануне отплытия. Девушка незаметно ускользнула из дома в укромный уголок березняка, начинавшегося прямо за оградой отцовского дома.

– Велинушка, я пришёл проститься, поутру уходим, я нанялся гребцом к нурманам, – молвил юноша все приготовленные заранее слова и замолчал от нахлынувших на него чувств. Велина растерялась, она выкла к тому, что Ольг всегда рядом, глядит зачарованными очами, такой крепкий, надёжный, готовый носить её на руках – и вдруг...

– Зачем, почему ты уходишь? – спросила девушка, перебирая косу.

– Твой отец хочет, чтобы жених непременно был богатым, и я им стану, – в волнении рёк юноша, сжимая в ладонях руку милой. Непременно стану! – воскликнул он, а потом тихо добавил: – Коли не погибну в море или в какой схватке. Ты будешь меня ждать?

Резкий порыв ветра с реки прижал лёгкое одеяние к телу девушки и проявил его стройность. В голове у юноши зашумело от волнения, он обнял милый гибкий стан, и на какой-то миг перестал видеть и ощущать что-либо вокруг, кроме её дивного тела и волшебных уст. Почти в полном забытии он нашёл эти уста своими и слился с ними в долгом первом поцелуе.

– погоди, – томно и страстно прошептала Велина, – погоди, не сейчас, не сегодня.... Потом, когда вернёшься, всё будет потом... – Она, как в полусне, прикрыла ладошкой его страстные и неумелые уста, чуть отстранила свою взволнованную грудь.

Ольг вновь привлёк любимую к себе, и они долго стояли, обнявшись, не в силах оторваться друг от друга, пока не услышали встревоженного голоса матери девицы.

– Велина, где ты, куда опять запропала? Вот отец приедет, я ему всё расскажу!

– Ну и пусть рассказывает, – молвил, нахмурившись, Ольг, – а я тебя не отпущу!

– Да нет, она добрая, совсем не такая, как отец, просто страшит меня, – ответила девица. – Только идти, в самом деле, надо, а то подумает невесть что, шибко за меня волнуется. Ну, прощай, мой викинг! – она быстро чмокнула его в щёку и легкой козочкой унеслась прочь на голос матери. В смехе любимой Ольг

впервые уловил скрытые нотки удивления и гордости за него.

– Послушай, Ларри, – как-то спросил Ольг низкорослого и говорливого нурмана, – от какой такой болезни умерли те викинги, которых погребли в Приладожье?

– Ха, Беловолосый, ты поверил старому Косматому Медведю? Эта болезнь называется «клинки отчаянных ререгов». Лучше с ними не встречаться. Их было мало, нас много, товара у них тоже изрядно, вот ярл и польстился. Но ререги покрошили почти половину нашей команды. Не зря ярлы и конунги стремятся иметь ререгов в союзниках, а не в стане врагов.

– Ререги, это русы с берегов Варяжского моря, у которых есть град Рарог? – вспомнил Ольг рассказы отца.

– Ререг – это их конунг, сущий берсерк. Даны хотели переманить его к себе, но он не захотел креститься. Заручился поддержкой франков и заключил династический брак с их принцессой.

Большую силу имеет!

– Я вижу, ярл огорчён потерей своих воинов...

– Огорчён? – ехидно захихикал Ларри. – Да ведь Лодинбьёрну теперь за каждого убитого викинга придётся отдать часть добычи семье погибшего! А что

ещё скажет наш конунг Олаф Жестокий, когда узнает, что Косматый влез в драку с ререгами, тут будешь не просто огорчён!

Прошло немного времени, и приладожцы стали настоящими гребцами драккаров. Их руки, и до того не избалованные, ещё более окрепли, походка по качающемуся настилу стала твёрже, а на стоянках под зорким оком Лодинбьёрна они совершенствовали своё владение оружием. Ольг старался усвоить хитрые боевые уловки, на которые викинги истинные мастера. Когда возвращались в фиорд, то все расходились по домам, а новобранцы под руководством кого-то из воинов отработывали знаменитый низкий шаг викинга, благодаря которому они могут ходить на дальнейшее расстояние даже быстрее, чем конный воин. Несколько раз попадали в стычки, и двое ладожан погибли, один был тяжело ранен.

Так прошло два лета и две зимы.

Когда весеннее солнце засветило по-настоящему радостно и принялось жадно глодать снежные покрывала склонов, образуя плеши-проталины, началась подготовка к большой морской охоте.

— Главные на корабле — это гарпунёры, — пояснял Асскальд Ольгу и его землякам-ладожцам, которые впервые отправлялись на столь необычную охоту. — На острый конец гарпуна надевается кольцо. Когда

наконечник входит в кожу зверя, кольцо снимается и остаётся на древке, а из наконечника выходят зацепы, которые не дают гарпуну вырваться из тела жертвы. Охотникам остаётся дожидаться, когда загарпуненный кит выдохнется, таская драккар.

— Кто же будет таким человеком на нашем «Медведе»? — спросил любопытный Шульга.

— На вашем ярл Лодинбьёрн, а я иду с самим конунгом Олафом Жестоким, никто лучше и дальше его не может бросить тяжёлый гарпун с привязанным к нему канатом из китовой кожи, — как всегда несколько высокопарно молвил певец.

— Говорят, эти морские звери очень велики? — спросил снова любопытный кривич.

— Да они просто невероятно огромны, как три наших драккара, и только мы, могучие викинги, можем добывать этих зверей на своих замечательных драках и шнеках.

— Ты его не очень-то слушай, — на вепсском молвил, обернувшись к Шульге, Бобрец. — Мы с отцом как-то ходили за пушниной на полуночь, к Студёному морю, и видели, как возвращались с охоты на китов тамошние люди полных берегов. Они ходили на морских зверей в простых челноках из кожи, сами маленькие, кривоногие, очи узкие, а тащили на привязи за собой к берегу огромные туши.

– Ну да, викинг без хвастовства, что топор без рукояти, – тоже на вепсском поддержал его Ольг, – мне про то ещё отец рассказывал.

– О чём вы говорите, я не понимаю этого языка? – слегка обеспокоенно спросил скальд.

– О том, певец, что морской зверь, даже в один драккар величиной, опасен, а уж в три драккара... – молвил коренастый чудин с белесыми очами по прозвищу Окунь, лукаво подмигнув друзьям.

– Не верите мне, вот пойдём через три дня в море, тогда сами увидите, – отвечал, нахмурившись, Аскальд.

Море встретило их холодным ветром. Пока шли под парусом, все вглядывались в необъятный морской простор, не взметнётся ли где фонтан, который выпускает кит, вынырнув из водной толщи.

– Вижу! – первым завопил низкорослый Ларри, указывая рукой в море по левому борту, – вон там фонтан!

– Я тоже вижу, вон там...

– И я вижу ещё фонтан, даже, по-моему, два!

– Все к вёслам! – крикнул кормчий. Викинги бросились по местам, по двое на весло и стали быстро разгонять драккар. На других кораблях было то же самое. Стараясь первыми успеть к стаду китов, гребцы каждого корабля налегали на вёсла изо всех сил. Но

прийти первым, ещё не значило первым начать охоту. «Медведь» оказался рядом сразу с тремя могучими морскими скитальцами, но киты один за другим, блеснув мокрыми горами-спинами, тут же скрылись в глубине. Были эти морские животные хоть и очень велики, но не втрое больше драккара, как стращал Скальд. Лодинбьёрн, сжимая в руке свой гарпун, стоял на носу «Медведя», дрожа от нетерпения и досады, что очередная гора мяса и жира снова исчезла под водой, так и не подпустив его на расстояние верного броска.

— Куда ты правишь, — орал он на кормчего, — левее, давай левее, я сказал! Охо-хо, опять не туда!

— Не ори! — так же разгневанно отвечал ему кормщик. — Твоё дело вовремя и точно метнуть гарпун, а уж как управлять «Медведем» — моя задача!

Вдруг огромная изогнутая спина вынырнула из воды почти рядом с драккаром. Ярл с необыкновенным для его грузного тела проворством метнул свой тяжёлый гарпун, огромное животное быстро исчезло под водой, а толстый, почти с руку, канат из кожи кита, стал стремительно разматываться. Вот он закончился и натянулся, гребцы перестали налегать на вёсла. Огромный морской зверь то тащил драккар за собой, то от боли начинал метаться. Канат ослабевал, потом вновь туго натягивался. Несколько викингов с тяжёлыми копьями стали на носу, другие по бортам, ожи-

дая, когда всплывет уставший великан.

– Вон он, я вижу его! – закричал кто-то с левого борта.

– Нет, это не наш, этот без гарпуна, – ответили ему сразу несколько голосов. Неожиданно у правого борта «Медведя» показалась из воды огромная угловатая голова морского зверя, который с шумом выпустил вверх и вперёд водяной фонтан. Зверь лежал на воде, неспешно двигаясь, и продолжал шумно дышать, низвергая из себя фонтаны воды. Лодинбьёрн решил поразить и второго кита, он уже подхватил запасной гарпун, потрогал своей большой дланью, прочно ли привязан к нему канат, как вдруг нос «Медведя» стал уходить от такой уже близкой цели. Загарпуненный ранее кит снова начал метаться. Другой шнеккар, воспользовавшись этим, вклинился между «Медведем» и китом, и его гарпунёр тут же метнул свое оружие.

Кит, в которого только что попал гарпун, резко ударил по воде огромным хвостом с разрезом и ушёл вглубь и в сторону.

– А-а-а... – раздался с носа драккара дикий вопль боли. Воин с тяжёлым копьём оказался прижатым толстым канатом к левому борту. Ольг, что грёб у самого носа, даже услышал, как трещат рёбра несчастного. В это время драккар вздрогнул, будто живой, что-то ударило в его правый борт, и он сильно накре-

нился влево.

– Весло, рулевое весло! – закричал кормщик, когда корабль выровнялся.

– Слава Одину, что удар пришёлся вскользь! – взволнованно молвил ярл, поднимаясь на ноги с настила, куда его опрокинул неожиданный удар кита.

– А вон там, – указал Ларри рукой вправо, – видно, не вскользь! – Действительно, один из кораблей как-то неуклюже осел на корму и стал быстро погружаться. Люди прыгали в воду и плыли к ближайшему шнеккару. На «Медведе» же принялись чинить руль, стараясь вёслами удерживать корабль носом к волне. Но загарпуненный кит тут же разворачивал корабль по-своему. По команде кормщика то одна, то другая сторона гребцов налегала на вёсла, тогда как другие чинили руль.

– Вот он! – истошно заорал кто-то на корабле. – Он вынырнул совсем рядом, это точно наш, у него в спине гарпун ярла Лодинбьёрна! – В животное полетели копья, а кто-то подхватил железную палицу.

– Брось палицу, этому киту она не поможет, у него над головой видишь какая броня, притом мягкая, – урезонил викинга с палицей ярл, – лучше возьми топор и руби меж спинных позвонков!

Вода вокруг всплывшего кита стала красной от крови. Острые копья и топоры на длинных рукоятках

кромсали обессилившее от борьбы и потери крови морское животное. Зверь вяло пошевеливал огромными плавниками, а его могучий хвост лишь подрагивал.

– Всё, – торжественно крикнул ярл, – он наш, мы его одолели!

Радостные вопли викингов были ответом Лодинбьёрну. Руль починили до наступления темноты и взялись за вёсла, направляясь к родному фиорду. А утром под громкий галдёж чаек и крики воронов причалили к берегу.

– «Медведь» пришёл первым с добычей! – закричали те, кто оставался на берегу, в основном женщины и дети.

– Да, мы пришли первыми, потому что мы лучшие из всех не только в нашем фиорде, но и во всей Скандинавии! – гордо выпятив грудь, воскликнул Косматый Медведь. – Мой незнающий промахов гарпун с одного удара поразил самого большого кита во всём море. Ни у кого нет таких гребцов, которые могут гнать драккар быстрее ветра!

– А я с первого удара топором разрубил хребет зверя надвое, и он перестал дышать!

– Великий Один направил моё копьё прямо в спину зверя! Я выпустил из него сто бочек крови!

Викинги наперебой похвалялись друг перед другом,

а ещё больше перед стоящими на берегу. И только ладожские гребцы молча наблюдали за происходящей вакханалией. Им была странна и неприятна глупая похвальба.

– Да, завалили морского зверя, будь здоров, однако зачем хвастаться и привирать? Как-то не по-мужски это, – обронил Шульга.

Тут же, вытащив морского зверя на мелководье, команда драккара, женщины с детьми и старики, получившие увечье в боях, – все взялись за разделку добычи. Туша кромсалась на куски, жир в огромных сковородах переплавлялся на ворвань, мясо шло на корм собакам и свиньям, – кашалоты непригодны для еды. Из огромного мешка на голове добывали желтоватый китовый воск, чудодейственную мазь от всяческих ран, порезов, ломоты в суставах и многих других болезней.

К обеду причалил драккар конунга Олафа Жестокго, а немного погодя ещё один. Самолюбие Олафа было несколько задето тем, что первым добычу при-тащил Лодинбьёрн. Но увидев, что «Медведь» добыл кашалота, отыгрался похвальбой о том, что его драккар добыл настоящее мясо, а не падаль!

– Узнаю медвежью повадку, загребать лапами что побольше, а зачем, это уже не важно, – высокомерно изрёк конунг, глядя, как на берегу возятся с разделкой

кашалота.

– Зато теперь свиньи и собаки не сдохнут с голоду, они должны молиться за Косматого, – ехидно добавил Гуннтор, сын конунга.

– Эгей, люди фиорда, – прокричал Олаф, – бросайте эту дохлятину, мой драккар притащил настоящую еду, принимайтесь за дело!

На канате драккара болтался серый кит.

Зато вечером, когда булькали котлы со свежим китовым мясом, и к этому запаху примешивался запах эля, щедро наполнявший чаши викингов, Лодинбьёрн достал из-за пазухи зуб кашалота.

– Послушай, Альвхильд, – обратился он к крутобёдрой вдове, что принесла большое бронзовое блюдо с дымящимися кусками китового мяса, – хочешь получить зуб кашалота? Это оберег, и ещё он исполняет желания.

– Эге, ярл, – оттопырила нижнюю губу дородная жена, искря лукавыми очами, – я не так много выпила эля, чтобы не помнить: тот, кто получает зуб, должен вначале сам выполнить желание того, кто его дарит.

– А что, ты не хочешь выполнить моё желание? – раскатисто и хрипло расхохотался Лодинбьёрн.

– Смотря какое, ярл, – хохотнула Альвхильд, ставя на стол блюдо с мясом и как бы невзначай толкая Косматого бедром в бок.

– А какое выберешь: можешь ты ко мне прийти на сегодняшнюю ночь, или я приду к тебе, какое из этих желаний тебе больше нравится? – прошептал на ухо улыбающейся вдове Косматый.

Спустя несколько дней на берегу фиорда остались только огромные голые скелеты и гниющие вороха кишок, вокруг которых лениво ходили объевшиеся собаки, вороны и чайки.

Ярл Лодинбьёрн велел Ольгу с сотоварищами осмолить «Медведя», получившего некоторые повреждения после охоты на китов.

– Эй, словенцы, – крикнул Ас-скальд, проходя мимо и направляясь вверх в посёлок, – идемте к дому хёвдинига Хродгайра, будет потеха, потом досмолить успеете.

– Что за потеха, скальд? – спросил Ольг.

– Сыну Хродгайра сегодня исполняется десять лет!

– Ну и что? – не понял Окунь, макая в растопленную смолу пеньковую кисть. – День рождения – это весело, пойдём, коль приглашают?!

– Не ходите!.. – глухо обронил Ольг и опустил очи, будто что-то рассматривал на свежеосмоленном борту драккара. Он вспомнил рассказ отца о том, как посвящают нурманы своих детей в викинги.

– Ну, чего молчишь, Солома, рассказывай! – поторопил Шульга, который с детства прихрамывал на ле-

вую ногу.

— Когда викингу исполняется десять лет, он должен собственноручно убить человека. Обычно для этого используют старого или больного раба, — хмуро поведал предводитель ладожан.

— Не верится мне что-то, пойду, сам погляжу, — сказал Шульга и, слегка припадая на ногу, зашагал вслед за Асскальдом.

В центре большого плотного круга, который образовали викинги, стоял сияющий сын хёвдинга Хродгайра и восхищённо вертел в руках широкий нурманский нож в ножнах из оленьей кожи с костяной отделкой.

— Сегодня тебе десять, Фарри, — торжественно рёк Хродгайр, — ты должен уничтожить своего первого врага, а значит, стать настоящим воином. Поэтому я дарю тебе этот нож, которым ты убьёшь свою жертву.

— Но ведь я убивал уже не раз, отец! — обиженно выпятил губу сын викинга, во всём старающийся быть похожим на отца.

— Э-э, сын, отвернуть голову птенцу большой птицы или удушить детёныша собаки — это всё детство. Ты сегодня убьёшь человека, я же сказал, сегодня важный день для тебя! — возразил хёвдинг.

— Того раба, что вчера привели с поля? Который украл меру нашего ячменя? — загорелся восторгом юный Фарри.

– Сегодня по моему приказу с него сняли ошейник и цепь, разве честь для сына хёвдинга – убить раба? Ты убьёшь свободного человека, это совсем другое дело!

Ребёнок совсем забыл про напускную важность и с детским восторгом запрыгал вокруг отца, размахивая широким норвежским ножом, только что полученным в подарок. Ещё бы, он сегодня, уже сегодня, станет почти вровень с отцом и другими воинами, он будет теперь убивать по-настоящему!

Викинги одобрительно загалдели, когда в круг вышел Аскальд и запел песню о том, как рождается настоящий викинг, как роднится он со своим клинком и как непобедимый этот клинок сопровождает викинга всю жизнь, до самой смерти. Хродгайр, тоже сияя радостью, поднёс скальду кружку доброго эля. После песнопения по знаку хёвдинга в круг втолкнули худого замученного подростка лет пятнадцати.

– Этот человек, свободный житель нашего посёлка, украл у хёвдинга Хродгайра зерно, чтобы набить свой ненасытный желудок. Он совершил преступление, и за это должен быть наказан. Мужественные и свободные люди фиорда, решите, кто должен наказать виновного в воровстве?

– Пусть суд свершит сын хёвдинга и докажет, что он уже настоящий викинг! – закричали один за другим стоящие вокруг.

– Да будет исполнена воля ваша! – вскричал громко Аскальд.

– А кто этот худой, – спросил Шульга у стоящего рядом Ларри, – я его не помню?

– Это раб хёвдинга, – хихикнул товарищ по драккару, – ты его раньше не видел, потому что он пас скот и никогда не бывал в посёлке.

Тем временем крепкий и сытый сын хёвдинга и вчерашний раб, худой и нескладный, остались одни в кругу. Именинник ловко извлёк подарок из красивых ножен и шагнул к жертве, в волнении прикидывая, каким из ударов красивее будет прикончить противника, что затравленно смотрел на него расширенными от ужаса очами.

– Давай, давай, Фарри, прикончи негодяя, убей его!!! – распалялись зрители.

«Всё, сейчас этот хёвдинёнок прирежет несчастного», – подумал ладожанин, собираясь уйти, чтобы не видеть кровавой расправы, условно разыгранной в виде справедливого суда. Но в этот миг он увидел, как юный викинг быстро выбросил руку с ножом и... нож улетел в сторону расстроено охнувших зрителей. Шульга успел заметить этот знакомый всем ладожанам с детства приём. Одной из их любимых игр была забава с деревянным ножом, лезвие которого смазывалось перед «схваткой» сажей, чтобы отмети-

на была видна на теле. Один старался поразить невооруженного противника, а другой, напротив, обезоружить владельца ножа. Часто обороняющиеся делали такой вот упреждающий удар в плечевой сустав вооружённой руки противника, и тогда нож либо не достигал цели, либо вылетал из руки нападающего.

Пока подбирали нож и подавали сыну хёвдинга, Шульга спросил у Ларри:

– Сколько он украл зерна, я заплачу за него....

– Перестань, какое зерно, не вздумай мешать, тебя разорвут на куски. Про зерно это так, традиция....

– Преступнику надо связать руки! – крикнул кто-то из викингов. – Так не положено, вор должен быть связан! – Тут же несколько человек скрутили рабу руки за спиной. Но и со связанными руками он, ещё дважды падая и перекатываясь, сумел уйти от смерти. Чело хёвдинга помрачнело: его сын не может убить даже безоружного, позор! Тогда кто-то из зрителей в злобе сильным толчком ноги в спину обрушил раба на землю. Несчастный со всего маху ударился ликом о каменистую площадку, разбив чело в кровь. Фарри, к ногам которого упал раб, тут же прыгнул ему на спину и занёс нож...

Шульга вернулся на берег хмурый и молчаливый. На вопрошающие взгляды друзей он вдруг ответил вопросом:

– Братцы, я сегодня, там, – он указал по направлению посёлка, – подумал, почему мы с нурманами такие разные? Почему я, Шульга-кривич, Солома-кельт, Родивой, Словен, Валуй – словене, Окунь – чудин, Бобрец-вепс и другие, почему мы все одинаковы в том, что никогда не станем такими, как они? Ведь тот же Ас-скальд, он наполовину словен и речёт по-словенски не хуже нас, но он нурман, викинг, и никогда не будет с нами, как и мы не будем с ним....

– Шульга, что там было? – спросил Валуй.

– Хёвдинг Хродгайр подарил десятилетнему сыну настоящий боевой нож. Скальд спел величальную песню малому Хродгайрёнышу, а потом все встали в круг и ввели в него молодого раба-подростка....

– погоди, Шульга, но раб не человек, по понятиям нурманов....

– С него утром сняли ошейник раба и объявили свободным человеком. Так вот, жадные до потехи нурманы стоят плотным кольцом, оружия у юнца нет. Малый хёвдинёнок за ним с ножом бегают, но бывший раб, хоть и тощий, но ловкий, ускользает всякий раз от смертельного удара, хотя малый его несколько раз ножом достал, но несерьёзно. Отец от негодования краской налился, тут кто-то из его подчинённых сзади ударил раба ногой в спину. Тот упал прямо к ногам хёвдинёнка и... – Рассказчик замолчал. Молчали

и остальные.

Русоволосый ладожанин с досадой швырнул свою кисть:

– Опротивела уже эта морская жизнь да подобные звериные обычаи, не по нутру мне, домой хочу, в Ладогу!

– На опытных морских людей всегда есть спрос, – поддержал его второй. Ты как, Солома?

– Думаете, мне наше родное озеро Нево по ночам не снится? Но мы ведь уговор с Лодинбьёрном на три лета заключили... – сухо ответил юноша, а перед очами вновь возникла Велина, отец с матерью и сестрёнка Ефанда. Сердце остро заныло, и Олыг отвернулся, чтобы друзья не видели его повлажневших очей.

В это время к ним своей медвежьей походкой подошёл Лодинбьёрн, явно радуясь и потирая свои огромные длани, пророкотал:

– Ну наконец-то нам предстоит истинно мужская работа, теперь вы сможете заработать по-настоящему. Побыстрее заканчивайте, завтра уходим!

Он никому никогда не доверял своих мыслей. Поэтому ладожцы услышали о предстоящем деле, только когда их чёрносиний драккар с оскаленной медвежьей пастью бросил якорь у небольшого мыса, за которым должно находиться селение эстов. Ещё не совсем рассеялся утренний туман, и очертания берега

были смутными. Что-то изредка громко всплескивало в воде, то ли рыба, то ли весло раннего рыбака.

– На «Медведе» останутся: Тори, Фридмунд, Герлайф, Ларри и Хради, – Лодинбьёрн повернулся к остальным. – А вы разделитесь надвое, одни высадутся выше, другие ниже селения. Я пойду с теми, кто высадится ниже. Начинаем, как только солнце поднимется над горизонтом. Убивайте всех, кто вздумает сопротивляться, помните, в рабы годятся только молодые женщины, хорошие мастера и крепкие юноши. Дети и старики нам не нужны. В верхней команде старшим будет...

– Мы не станем убивать стариков и детей и, вообще, не будем грабить селение! – прервал Ольг речь Лодинбьёрна твёрдым голосом. – Мы нанимались в гребцы, а не разбойники!

Косматый Медведь на миг онемел от такой дерзости. Затем, с перекошенным яростью челом, медленно двинулся на молодого ладожца, чтобы грозным видом вогнать в его душу страх. Ольг, против ожидания викинга, не отступил, в его душе уже закипала праведная ярая сила, одинаково свойственная свободным племенам русов и кельтов. Ладожцы же, почуяв опасность, тут же выстроились по обе стороны от своего молодого предводителя так, как они привыкли делать с детства. Лодинбьёрн остановился за два шага от

обидчика, раздувая ноздри и меча страшные взгляды из-под мохнатых бровей, – огромный, в нурманском кафтане с меховым верхом и меховой опушкой понизу, он и вправду был похож на рассвирепевшего медведя. Но под этой свирепостью глубоко была спрятана и растерянность. Впервые его ослушались на собственном драккаре, и кто, не старый опытный Уго, например, который был в больших переделках, а сопливый словен! Если сейчас же не наказать Беловолосого, завтра не подчинится ещё кто-то. Но дерзкий словен не один, за него стали земляки. Не хватало устроить на «Медведе» рубку. И если в этой рубке падёт половина ладожцев, то снова не будет хватать рук на вёслах. Нельзя более медлить ни мгновения, и Косматый решил.

– Щенок паршивой собаки, за то, что ты прервал меня своим глупым тьяканьем, сейчас побегаешь от моего клинка, – прорычал он и привычным движением обрушил на молодого словена свой молниеносный меч. Он намеренно рубанул так, чтобы противник успел отпрянуть назад в последний миг. Но сумасшедший словен вместо этого рванулся вперёд, под смертельное лезвие, успев выбросить над головой прямой кельтский нож, который, конечно, не мог остановить грозного меча, но мягко направил его чуть правее от цели. Тело Ольга волнообразно ушло влево, а рука с

ножом, сопроводив оружие врага, вогнала кельтский клинок в руку викинга чуть повыше кисти. Грозный нурман взвыл от боли и выронил меч из ослабевшей руки. Его воины ринулись на ладожан, и началась, закружилась смертельная рубка, которую уже никто не в силах был остановить. Ольг дрался неистово, понимая, что именно он более других виноват в том, что гибнут его друзья, среди которых в эти мгновения не было ни словен, ни кельтов, ни веси – все они сейчас были ладожцы. Викинги тоже падали от топоров, ножей и мечей, но их было больше, и они были опытнее. Вот уже всего несколько самых отчаянных и умелых сотоварищей стоят у самого борта против оставшихся в живых викингов. Ольг отбивался сразу от двух врагов. Он встретил своим клинком и отвёл удар меча быстрого Ларри, шуйцей отбил топор Фридмунда. Викинг заскользил на покрытых кровью досках, и топор, сбитый кинжалом, вместо головы Ольга достиг его шеи. Торквис сестры принял скользящий удар на себя, а Ольг, уже предельно отклонившийся назад, от этого удара полетел в воду.

Оказавшись в тёмной и холодной глубине, Ольг, преодолевая боль в плече, устремился к поверхности и одновременно в сторону от драккара, – хорошо, что на нём кожаный панцирь, а не железная кольчуга. Всплыл и, стараясь не делать шумного вдоха, осмот-

релся: чёрная туша «Медведя» призрачно высилась в тумане в четырёх-пяти саженьях. Чувствуя, что сил остаётся всё меньше, Ольг, загребая одной рукой, поплыл прочь от злополучного драккара. В голове мутилось, юноша уже не мог понять, плывёт он к берегу или, наоборот, перед очами пошли круги, тело налилось тяжестью и стало погружаться. «Вот и всё», – мелькнуло в голове, когда в последний раз с трудом удалось вынырнуть на поверхность. В тумане что-то мелькнуло, кажется, утлая лодчонка, попытался крикнуть, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип, и над головой в последний раз сомкнулась вода.

Пришёл в себя уже на берегу. Кто-то хлопотал над ним.

– Смотри, викинг ожил! – услышал он слова, сказанные на языке эстов.

– Я же говорил, что он в рубашке родился, – увидев, что утопленник открыл очи, молвил средних лет рыбак.

– Я не викинг, где... драккар? – еле смог прошептать кельт.

– Он ушёл, – ответил молодой рыбак, несколько удивлённый тем, что викинг знает его язык. Раненый ещё хотел что-то спросить, но силы оставили его, и очи застлала тьма.

– А ну, давайте-ка отнесём его в нашу рыбацкую хи-

жину, надо позвать Каупо, – заключил эст.

Ольг снова очнулся от прохладных струй воды, что омывали его воспалённые раны. Седой широкоскулый старик с серыми очами лил воду из кувшина и что-то бормотал при этом. Потом он из того же кувшина промыл травы и, приложив их к ранам, перевязал чистой холстиной.

«Местный волхв или знахарь», – понял раненый, стараясь удержаться на лезвии сознания и не улететь снова в небытие. Старик увидел, что его подопечный пришёл в себя и заговорил с ним. Речь его была понятна, так говорили изборские чудины, только отдельные слова эста были незнакомыми, да речь пересыпалась свистящими окончаниями «ас», «ис».

– Богиня судьбы людской Лайме, видно, благоволит к тебе, раз сохранила твою жизнь, а я, помогая ей, омыл раны водой из священного источника да приложил целебные травы, взятые мной с разрешения Перкунаса из его Дубравы. Теперь не сомневайся, викинг, или кто ты там на самом деле, пойдёшь на поправку.

– Я не викинг, я сам из Приладожья, – с трудом просипел Ольг.

– Но ты был на их большой норманнской лодке и с оружием.

Для чего вы пришли сюда? – спросил знахарь, глядя на раненого внимательными очами. Ольг хотел от-

ветить, но не смог удержаться на кромке бытия и улетел вниз.

Когда опять удалось открыть веки, то вместо старика узрел перед собой молодую светловолосую девуцу. Она мягко касалась его чела и ланит, нанося на них что-то жидкое и душистое.

– Ты кто? – спросил он шепотом, потому что громко говорить просто не было сил.

– Я Сальме. Мой отец Лембит и брат Меелис вытащили тебя из моря, когда Юрате уже хотела забрать тебя к себе. Видно, сам Таара не позволил ей этого. А как тебя зовут?

– Олыг я, из Приладожья... Был гребцом у викингов, они хотели разграбить ваше селение. Мы, ладожане, отказались, тогда началась схватка... – Олыг больше не имел сил говорить и только глядел, как осторожно, даже нежно, гладит его чело и руку девушка.

– Сальме, – строго кликнул рыбак средних лет, видимо отец. Девушка смутилась и быстро вышла.

Целебная вода и травы, заклинания знахаря и молодой организм, а может, ласковые руки и глаза Сальме, кто знает, что больше подействовало, но Олыг в самом деле стал быстро поправляться. Жители селения, рыбаки и земледельцы, приходили поглядеть на человека из Приладожья, который, не щадя живота, спас их от смерти и тяжкого полона. Несли еду и про-

стю крестьянскую одежду.

– Сальме, откуда они знают, что я сказал правду о том, что случилось на драккаре? А вдруг я это... ну...

– Соврал? – рассмеялась девица и, став сразу серьёзной, ответила: – Старый Каупо видит мысли и души людей, как мы солнце или дерево. Он сказал, когда люди обманывают, тогда они быстро погибают, а ты выздоравливаешь, – Сальме улыбнулась, но как-то грустно. – Скоро ты совсем поправишься, Ольгас... – она заколебалась, видимо, не решаясь что-то спросить. – Ты уйдёшь или останешься? Ты сильный, Таара с Лайме любят тебя... – она замолчала, не решаясь продолжить.

– У меня есть суженая, – ответил Ольг, опустив очи. – Благодарю тебя за всё, что ты для меня сделала, Сальме. Ты замечательная, добрая и ласковая, но ты знаешь, что я не могу говорить неправду, прости...

Когда Ольг достаточно окреп, рыбаки снабдили его едой и одеждой. С попутной лодьей бывший викинг отправлялся в Волин.

– Волин – воистину великий град, там ты точно найдёшь работу, – напутствовал его рыбак. – А на торжищах есть всё, чего душе угодно. Думаю, подберёшь оберег для своей сестры.

Ольг прикоснулся ладонью к груди, где прежде висел торквис Ефанды.

– Он спас меня от клинка викинга, от гибели в море и ещё от многих бед. Я непременно должен найти хорошую работу, вернуть сестре оберег и... в общем, спасибо вам!

Старый колдун Каупо, поглядев пристально в очи приладожца, молвил медленно и веско:

– Есть люди, у которых душа воина, и лишь на этом пути человек может быть счастлив. Есть торговцы и труженики. Бывают и такие, кого Таара наделяет душой колдуна. Но впервые я вижу, чтобы в одной душе в равной мере слились воедино силы воинская и колдовская. Я не знаю, что может выйти из этого, наверное, богиня Лайме припасла для тебя что-то необычное.

Прощай, мы больше не свидимся!

– Вот, возьми, Ольгас, – протянул увесистый свёрток Лембит, – здесь самая лучшая рыба. Мы с Меелисом хорошо провялили и немного подкоптили её на можжевелевом корне, пока будешь есть, будешь помнить нас.

– Э, нет, я буду вас помнить всегда, если бы не ты с сыном, я бы уже не выплыл! – растроганно молвил кельт, обнимая своих спасителей.

– А-а, не стоит считаться, – махнул рукой хозяин избушки, – ты с друзьями спас нас, мы спасли тебя, так и должны поступать люди, жаль, что далеко не всегда

так получается.

Сальме подошла молча, синие очи её были полны слёз. Она постояла, в последний раз коснулась небритых ланит молодого кельта и вдруг порывисто обняла его, поцеловала в губы и тут же убежала, обливаясь слезами.

Широкобокая купеческая насада быстро удалялась от берега, а на высокой скале у одинокой кривой сосны долго был различим тонкий девичий стан.

Вот лодья, наконец пройдя через один из трёх узких проливов, что отделяли град от Варяжского моря, вошла в широкую гавань Волина.

Молодой приладожец, впервые оказавшийся в столь великом граде, смотрел вокруг широко открытыми очами. Столько разных кораблей в одном месте, тут не только привычные глазу лодьи, насады, расшивы, драккары, шнеккары, кнорры, но и ромейские дромоны и никогда не виданные арабские карабы и шейты с косым треугольным парусом. А уж дома-то какие! Многоярусные терема, изукрашенные дивной резьбой, все улицы ровные, мощёные брёвнами, ограды крепкие! Дивный град из детских сказок отца – и вот он, на самом деле!

– Что, брат Ольг, велик град Волин, а? – широко улыбнулся кормчий на восторженные взоры своего

добровольного помощника. – Гляди, брат, гляди, град сей по величине и великолепию соперничает лишь с градом Константина, что в далёкой Византии, а иные во всей Европе ему не чета. – Лодья всё шла вдоль берега мимо многих причалов и добротных построек, в которых угадывались склады для товара, верфи для починки лодий, кузницы, откуда слышались звонкие удары молота, и прочие строения разных дел мастеров.

– Это ж, сколько тут народу? – восхищённо спросил Ольг не то кормчего, не то самого себя.

– Да-а, – протянул довольный кормчий, – народу тут тьма, а товару разного видимо-невидимо! Лодьи со всех концов света белого... Я уж сколько тут бываю, а и то всякий раз диву даюсь. Да что речь, брат Ольг, у одних только лютичей около сотни городов, у бодричей более полусотни, у руян на их острове богатые торговые грады, а ещё поморяне, и те народы, что дальше от моря живут, – сербы, хорваты, чехи, ляхи, – у всех много богатых градов, оттого земля сия Гардарикой и зовётся! – с гордостью изрёк мореход.

Несколько дней бродил как зачарованный молодой приладожец по причалам и торжищам Вольного града, разглядывая диковинные товары, необычно одетых заморских купцов и мореходов. Скромные припа-

сы закончились, и он пристал в подмастерья к кузнецу, что ладил скобы, петли, разные крючья, оковывал лапы деревянных якорей и ещё творил тьму разных вещей для строящихся лодий и их оснастки. Работал Олыг с удовольствием. Пригодилась наука дядьки Кряжа. Кузнец волинский был бы доволен таким способным подмастерьем.

Однако через седмицу выздоровел сын кузнеца, и Олыг, получив плату, отправился на поиски нового заработка.

Проходя по торжищу, юноша остановился у очередной лавки с заморскими товарами. Долго глядел на обручи с каменьями, подвески, амулеты, обереги.

— Чего желает молодой человек? — спросил хозяин лавки, пожилой опрятный купец.

— Мне нужен торквис, кельтский оберег, настоящий торквис, понимаешь?

Купец внимательно поглядел на него.

— То, что тебе нужно, можно найти только в Галлии. Ведь там ещё живёт много кельтов и кельтских мастеров, которые умеют делать настоящие, наделённые силой торквисы, да и старинный можно достать.

Юноша поблагодарил и ушёл расстроенный.

Ранним утром молодой кельт пришёл на уже знакомый причал, где из нутра заморских лодий прямо на пристани выставлялась часть товара «на показ», а

местные волинские торговцы брали несколько возов, а то и весь товар сразу, но зато дешевле, чтобы потом продавать в своих лавках подороже. Напротив камня, на котором сидел Ольг, выставляли на причальный настил товар с большой насады с красным парусом. Парус был свёрнут, и что на нём было изображено, юноша не видел. Он заметил, как быстро и согласованно двигаются мореходы, управляясь с тяжёлыми тюками и коробами. Подплыла ещё одна лодья, но втиснуться меж лодьей с красным парусом и другой, которая стояла здесь со вчерашнего дня, не смогла. Послышались недовольные голоса.

— Снова эти ререги влезли на наше место! — прокричал рассерженный кормчий подплывшей лодьи.

Ольг встрепелся, услышав знакомое слово, значит, лодья с красным парусом ободритская.

— Это ещё кто куда влез! — бросил в ответ молодой хорошо одетый рарожич, тоже проникаясь злостью. — Кто наши земли захватил, когда ваши предки сюда пришли? Лютичи.

— А что ж вы землю-то свою отдали, коли воины такие ярые? — с издевкой в голосе ответил с лодьи лютичей высокорослый воин в накиннутой на широкие плечи волчьей шкуре.

— Вы подло нашу столицу захватили вместе с данами. Только и можете, вкупе то с данами, то с саксами,

на нас войной идти!

– Так вы ведь первыми вкупе с франками нашу Ретру сожгли! А князя Люба кто убил? Да вы, бодричи, франкам, как цепные псы, служите!

Рарожичи побагровели от этих слов и схватились за мечи, готовые тут же наказать обидчиков. Могучий лютич в волчьей шкуре тоже с готовностью обнажил свой булат.

Ольг поспешил к краю пристани, чтобы его видели и слышали на обеих лодьях.

– Погодите, люди добрые, предков по пустякам беспокоить, – молвил он громко, как будто хотел в шторм перекричать ветер. – Я не лютич, и не рарожич, сторонний, одним словом.

Давайте я по чести и по праву скажу, как оно есть.

– Реки, – согласились лютичи.

– Пусть речёт, – согласились рарожичи.

– Вчера под вечер пришла сюда первой вот эта лодья, – указал ладожанин. – А вот сегодня первой пришла лодья ререгов, оттого зряшный спор меж вами и вредный, потому как старики рекут: «пустая свара богов гневит», а боги у нас общие, негоже это.

– Ишь ты, защитник рарожичей нашёлся, – недовольно заворчали на лодье лютичей. Но люд, что собрался на пристани, одобрительно загалдел:

– Беловолосый верно речёт, так и было, нечего на

пустом месте свару заводить. А то стражу кликнем, она на забияк за обнажённые мечи вмиг ругу наложит!

– Наш град оттого и зовётся Волин, что в земле Поморской вольно привечает торговцев, мореходов и воинов из любых земель. Только ряд да лад каждый блюсти должен, иначе не только мошны своей лишиться может, а и в рабство тяжкое угодить!

– Погоди, белобрысый защитник, – вполголоса проговорил могучий воин на лодье лютичей, которая нехотя пошла вдоль причала искать другое место, – мы с тобой после торгоу встретимся, поговорим!

– Я Трувор, из Великого града Рарога, – протянул руку кельту тот самый молодой высокий рарожич, что переругивался с лютичами.

– Я Ольг из Приладожья.

– Теперь тут живёшь? – окинув взглядом простую одежду собеседника, спросил рарожич.

– Нет, я в викингих был, да не сошёлся с ними, как вы с лютичами, вот теперь хочу на лодью какую наняться, в Галлию мне надо....

– Эге, брат Ольг, так тебе прямо к нам и надобно, мы как раз караван купеческий в Галлию сопровождать собираемся. – Трувор повернул к себе ладонь собеседника. – Добрые гребцы нам сейчас кстати. Забирай пожитки свои – и к нам, иначе лютичи тебе сегоднешнюю речь точно припомним.

– Да вот, все мои пожитки здесь, – показал Олыг на холщёвую суму, что лежала у камня.

– Тогда идём с лодейщиками нашими знакомиться!

– Говорят, у вас князь есть именем Рарог, которого даже викинги боятся, – спросил по пути юноша.

– Чужие боятся, свои любят! – рассмеялся Трувор. – Это мой старший брат. Я тебя с ним познакомлю!

Глава III

Князь Рарог

Варяжское море. Возвращение Рарога из похода, рядом – Ольг. Кельтский крест. Сражение с викингами, захват Дана и Свена, освобождение раба-черпальщика. Встреча с родными в Велиграде. Мать сообщает, что приходили гонцы от деда Гостомысла из Новгорода: «Стар он, желает видеть тебя перед смертью». Посещение Дуба Прави и беседа с волхвом Ведамиром

Дружина варягов-руси по весне возвращалась из дальнего похода, в котором они охраняли корабли купцов. Молодой князь был выше среднего роста, жилист и строен. Люди такого склада необычайно выносливы, что в труде, что в бою. Русая прядь на бритой голове служила отличительным знаком княжеского рода. Длинные усы без бороды, очи голубые с прищуром, нос с горбинкой, что делало его облик схожим с хищной птицей. В левом ухе – золотая серьга. На красном парусе – изображение белого сокола, стремительно падающего вниз. Это Рарог – воплощение священного огненного духа Сварога, тотем гордого племени славян-ободритов, обитающих на юго-западном побережье Варяжского моря. Вот в сыром и туманном утреннем мареве угадываются очертания

скал.

– Рарог! Германское море позади. Проходим датский полуостров Эллинг! – кричит кормщик. – Впереди острова!

– Всем слушать и во все глаза глядеть, тут самое удобное место перенять купеческие лоды, у сих островов с заливами-фиордами нурманы могут незаметно укрыть много боевых кораблей, – молвил князь громко, чтоб слышали все.

– Так ведь с данами и свеями у нас договор, – неуверенно возразил молодой воин.

– Запомни, Мирослав, – продолжая пристально вглядываться в утреннюю сырость моря, отвечивал князь, – викинги слово своё держат, пока это им выгодно. Потому от купцов не отрываться, чтоб всё время на виду были, корабли-то их помедленнее наших идут.

Рарог прошёл на нос. Пока всё было тихо.

– Ну что, Ольг, – хлопнул он по плечу рослого беловолосого воина с зеленоватыми очами, в сапогах из волчьей кожи, полосатых норвежских штанах, русской кольчуге и валянной из шерсти шапке-нурманке, – скоро Варяжское море, и будем дома. Не раздумал возвращаться в свою Ладогу? А то остался бы. Скажи, ты какого рода, власами белый, кожа светлая, по свейски речёшь добре, но ты ведь не свен, но и не

словен, они русые....

– Я из кельтского рода, княже. В древние времена заселяли кельты многие земли, но сейчас не имеем своего государства или княжества. Рассеялись некогда славные в военном деле, железоделании и ворожбе кельты по миру. Среди франков их много, в Шотландии, Ирландии, есть и среди нурманов. Мой род относится к племени богини-матери Дану и солнечно-го отца Беленуса...

– Постой-постой, – перебил Рарог, – Дану – так прежде называлась священная река, откуда ушли наши предки-венды. А Беленус весьма схож с нашим Белобогом...

– Наши предания говорят, что некогда мы жили вместе со славянами, да так тесно, что теперь и не разберёшь, где кельтское, а где славянское. Многие столетия скитался наш род по свету, надолго осел в Ветреной Земле. Но после поражения от сыновей Миля, часть родов племени Дану ушла в другие места. Когда же на берегах Нево-озера, Волхова и Ильмень-озера стали селиться славянские племена, то мой род переехал к Ладоге, поближе к тем, с кем так добре когда-то жил. Вот так оказались мои предки в том месте, где сейчас стоит дом моих родителей...

– Я ещё хотел спросить тебя, Ольг, при входе в гавань Овьедо в Кордовском эмирате, ты предостереж

нас об опасности. Ночью я отправил изведывателей, которые сообщили о засаде, как ты заранее узнал о ней? – поинтересовался Рарог.

– Я увидел кельтский крест, – ответил Ольг.

– Кельтский крест? Какой?

– Крест в круге – знак солнца и четырёх его домов. В миг опасности он как бы прорисовывается перед моим внутренним взором, накладывается тенью на явленный мир.

– Солнечный крест в круге – это же знак жизни, почему у тебя он предвещает беду?

– Рарог, нет жизни без смерти и наоборот. Со смертью тела душа переходит в Иной мир, откуда она снова может вернуться в мир Яви, только уже в другом теле, так нас учат жрецы и кельтские, и славянские. Выходит, когда я вижу кельтский крест в образе тёмной дымки, значит, грядёт переход чьей-то души в Навь. Такой знак дают зреть мне боги.

– И давно у тебя сей дар?

– Он был силён у меня в детстве, не так, конечно, как у сестры, но не раз помогал остаться живым, предупредить других людей об опасности. Когда же ушёл с викингами, дар сей угас, я уже думал, навсегда...

– Получается, когда мы творим не по Прави, то боги и предки оставляют нас?

– Выходит, так.

– Почему же ты не вернулся домой после того, как тебя спасли эсты?

– Я не мог предстать перед родителями, сестрой и своей суженой жалким и несчастным. В поисках работы я оказался в Волине, когда туда же пришла лодья Трувора. Он-то и предложил мне идти с вами в поход, – кельт вздохнул.

– Чего вздыхаешь, от викингов спасся, сам жив, здоров, поход наш благополучно завершается, чего вздыхать-то?

– Не ведаю, княже, только тяжело мне на душе.

– Неужто снова кельтский крест видишь? – с тревогой спросил Рарог.

– Вроде того. – Ольг, стоя на носу лодьи, напряг свой необычайно тонкий слух. – Похоже на звон оружия... – молвил он.

И все вокруг замерли в тревожном ожидании.

Ещё немного и, обогнув скалу, мореходы узрели чьи-то купеческие корабли, зажатые в заливе чёрными драккарами викингов. Там в самом деле шёл бой. Охрана купеческого каравана не собиралась сдаваться, зная, что лучше в бою убитым быть, нежели в плен к викингам угодить.

– Это купцы из Вагрии! – крикнул Мирослав, разглядев на парусе купцов изображение утки и одним движением надевая островерхий шлем.

– Кормчий, – подал команду Рарог, – правь на ближайший драккар! Дружина, багры, мостики, тараны, кошки готовы, лукам бить до самого касания бортов!

Запели тугие многослойные луки русов, коим нет равных ни на заходе, ни на восходе, которые не боятся ни сырой погоды, ни даже купания в воде.

Несколько викингов, увлечённых разбоем, пали от стрел. Остальные выставили в сторону ободритов чёрно-красные окованные железом щиты и стали отвечать своими стрелами.

Ободриты умело закрылись щитами с изображением Сокола, лодья сблизилась с чёрным разбойником, и вот уже смачно вцепились в просмоленные борта драккара кошки и багры, застучали деревом по дереву балки да мостики, перекинутые на вражеский корабль. Скрестились в жестокой схватке клинки варягов-руси и грозных викингов, рождённых их богом Вотаном лишь для того, чтобы убивать и повелевать. Никто не может сравниться с ними в мужестве и владении оружием, никто, кроме русов. Потому схватка шла отчаянная и кровавая.

– Княже, ещё два чёрных заходят ошую! – упредил, перекрикивая шум сечи, Олыг.

– Пусть! Трувор сразу за нами идёт! – зычно ответил Рарог, врезаясь в гущу схватки.

– Нурманы отступают! – слышался вскоре хрип-

лый и радостный голос кормщика. В самом деле, за-видев появившиеся из-за скалистого мыса лодьи бодричей, расчётливые викинги, круто развернув свои драккары, поспешили уйти в сторону спасительного берега. На вражеском драккаре поняли, что сейчас придётся иметь дело с другими ободритскими лодьями, и стали рубить просмоленные верви кошек, сбрасывать мостки и балки, поспешно отталкиваться баграми и копьями от высокого борта насады Рарога. Но воодушевлённые подмогой рарожичи так навалились, что уйти викингам не удалось. Когда подоспела ещё одна лодья с соколом на парусе, схватка уже была закончена. Черноволосый, с седеющей бородой ярл, поняв, что ему и двум оставшимся в живых собратьям грозит позорный для викинга плен, сам полоснул ножом по своему горлу и с предсмертным хрипом упал за борт.

Обшарив вражий корабль, забрав добычу, оружие, своих раненых и погибших, русы вернулись на лодью.

— Что, княже, супостатов за борт, а драккар их возьмём как добычу, нам не сгодится, так данам или свеям продадим после? — спросил кормчий.

— Нет, себе не возьмём, зловонный он больно, не отмоешь, а нурманам продавать — разговор лишний, у нас с ними всё ж как бы мир. Сжечь его, пусть викинги вознесутся в свою Валльгалу и нас за то благодарят!

– Гляди, как горит жарко! – воскликнул Мирослав, когда на драккар метнули огонь. – Только дымит шибко...

– Он ведь не только просмолен, но и напитан китовым жиром, что твой факел. Нурманы же на китов на этих драккарах ходят, оттого и смердят они запахом мертвечины так, что собаки на берегу, ещё не видя их, выть да лаять начинают, – молвил кормщик.

Молодая память кельта тут же услужливо представила внутреннему взору, как по студёному морю, поскрипывая своими гибкими членами, будто рыба, стремится вдогонку за могучими животными сине-чёрный «Медведь», а на носу косматый Лодин-бьёрн сжимает в увесистом кулаке свой хитроумный гарпун. «Киты, я вижу впереди и справа фонтан!» – кричит кто-то из викингов. «И я вижу» – подхватывает другой... Потом всплыли знакомые лики ладожан, и Ольг тяжело вздохнул: выжил ли из них кто-нибудь, или все погибли?

– А я-то думал, как его обшаривали, – кивнул в сторону горящего корабля Мирослав, прервав течение невесёлых воспоминаний Ольга, – что там какая-то дохлятина под настилом завалялась, а оно выходит... – он осёкся на полуслове и вдруг закричал, широко открывая глаза: – Человек, там человек, живой!!!

– Чего мелешь, – возмутился осанистый вёсельный начальник, я там сам всё осмотрел.... Погоди, а ведь и вправду человек!

Два пленённых викинга, привязанные к мачте, пустыми очами смотрели, как полыхает их родной драккар, как вместе с чёрным дымом возносятся в ватагу Великого Вотана их боевые друзья, – там сгорала их вольная жизнь и начиналась жизнь рабская, которая для викинга страшнее смерти. Когда ободриты заметили на носу горящего судна человека, рыжий свен что-то равнодушно проговорил.

– Это не человек, – перевёл его речь Ольг, – это черпальщик...

– Как не человек, – возмутился вёсельный начальник, – а ну-ка, ребята, наддай на вёслах, подойдём к нурману!

Кормчий мигом оказался на своём месте и зорко следил, чтобы лодья не подошла слишком близко к горящему драккару. Привязанный к мачте свен снова что-то молвил.

– Говорит, что черпальщик цепью прикован к драккару и потому сгорит вместе с ним.

– А это мы ещё поглядим, помогите мне кольчугу скорее снять! – раззадориваясь, крикнул всегда добродушный и улыбчивый воин Сила, который был почти вровень со всеми статью, но силой отличался

неимоверной: лучшую подкову мог сломать как чёрствую краюху. С него мигом стянули кольчугу вместе с подкольчужной рубахой, он сбросил мягкие сапоги и прыгнул в холодную воду. В несколько сильных гребков оказался у горящего корабля и, уцепившись за заклинившее весло, влез на борт. Несчастный пленник отчаянно рвался, заслоняясь грязной шкурой от подступающего к нему пламени, но цепь, которой был прикован его ошейник, не давала больше отойти и на пядь. Мокрый Сила ловко пробежал по самому бортовому брусу, закрываясь от пламени руками. Времени, чтобы снять ошейник с раба, не было, потому воин присел, положив цепь себе на могучие рамена, а затем резко выпрямился, легко разорвав толстую железную перевязь. Так с обрывком цепи Сила и влёк спасённого раба за собой вплавь, а затем помог ему вскарабкаться на борт насады. Только здесь с полуобезумевшего, полуобгоревшего бедняги сняли ошейник, дали напиться и завернули в тёплую шерстяную накидку.

Пленные викинги, кажется, на время даже забыли о своей тяжкой участи, настолько странным и даже диким показался им поступок бодричей. Рисковать в схватке, играть со смертью ради добычи, это понятно, но ради спасения никчемного замученного раба, которого даже продать с толком невозможно, это нельзя

было ни понять, ни осознать. Викинги с презрением отвернулись: низкое племя, чего можно хотеть от народа, спасающего рабов?

Ободриты, ловко подведя лодью, стали борт о борт с одним из уцелевших в сече купеческих кораблей вагров, на котором находился старший каравана.

– Благодарствуем, рарожичи, за помощь, коли б не вы, не видать нам более белого света, – приложив руку с собольей шапкой к сердцу, поклонился ободритам в пояс ладный седой купец с пронзительными очами, перебравшись на ладью Рарога. – Примите от нас за спасение душ наших подарки для жён ваших и сородичей.

Он махнул охоронцам, и те передали спасителям несколько прочных сундуков.

– Мы ж соседи, – отвечал на поклон князь рарожичей, – потому сегодня мы вам подсобили, а завтра, глядишь, вы нам.

Подношения купцов, по заведённым издавна правилам, не смотрели, а лишь приняли и установили так, чтобы нечаянной волной не смыло в море. Перевязали раненых и прибрали после сечи на лодейных настилах обломки оружия и разбросанные товары, смыли с палубы кровь.

– Я знаю, что море по вашему имени Варяжским называется, а отчего вы зовётесь варягами? – спро-

сил любопытный Ольг у старшего каравана, что ещё находился на лодье Парога.

– Некогда вагры первыми пришли на побережье Варяжского моря, – степенно отвечал купец. – Они имели большую силу и отличались храбростью и взаимовыручкой, потому одолевали противников на суше и на море. Само название «вагры», как я слышал от волхвов, происходит от древнего «вагара» – храбрый, удалой. Отсюда и варяги, веринги – храбрые морские воины. Самоназвание же наше – венды, венеды, вены. Позже под давлением угров и авар-обров другие славянские племена ушли с Дуная и поселились рядом с ваграми. Вот ободриты, соседи наши и союзники, пошли им Свентовид многая лета! И другие племена живут от Лабы на заходе и до Одры на восходе, от Рудных гор на полудне до Варяжского моря на полуночи: полабы, лужичане, глиняне, череспиняне, смоляне, руги, поморы, хижане, украине, лютичи или вильцы и многие другие. Лютичи завоевали часть наших исконных земель, потому мы с ними враждуем. Проще с франками общий язык найти, чем с лютичами....

Когда мореходы закончили приводить в порядок свои лоды, вагры и ободриты снова подняли паруса и единым караваном продолжили путь домой.

Так вместе и вошли в родное Варяжское море: попутный ветер надувал паруса с изображениями Миро-

вой Уточки и белого Парога-Сокола.

Ещё немного – и показались знакомые берега Вагрии. Благодарные купцы-вагры поспешили с товарами в свой стольный Старгород, а Парог с побратимами поплыли дальше. И вот лодьи и насады из Велиградского залива одна за другой по извилистым протокам вошли в родную гавань Великого града Парога. Расположенный на холме, ограждённый высокой и широкой стеной из камня, земли и дерева, окружённый глубоким рвом с водой, он был настоящей крепостью, в которой укрывались окрестные жители во время вражеских нападений. Но сегодня врата широко распахнулись, с радостью встречая благополучно вернувшихся из похода рарожичей. Ткани, пряности, благовония и щедро изукрашенные камнями и перламутром восточные клинки – много разной добычи принесли в своих чревах нагруженные лодьи. Было и пятеро убитых в битве с нурманами, – их семьи получили долю погибших и сверх того – из княжеской казны.

Тонкие восточные паволоки, которые преподнесли матери Парог и Трувор, не оставили её равнодушной. Но самым дорогим подарком было для неё возвращение сыновей живыми и невредимыми.

– Я уже не чаяла вас увидеть, ведь осенью обещали вернуться, а вот аж весной пришли.

– Там, где купцы хотели товар с выгодой сбыть, мор

перед тем покосил народ, какой там торг! Вообще заходить не стали. Решили далее уходить, аж в море Срединное, потому зазимовать пришлось.

– Я уж глаза фсе выплакала, – причитала жена Парога Ружена, что сразу повисла на шее мужа со слезами радости, – на дочку-то, на дочку свою погляди! – щебетала она с франкским выговором. Парог смотрел на родившуюся за время его отсутствия малышку, такую же рыжеволосую, как Ружена, осторожно брал её, целовал жену, обнимал мать и меньшого брата Синеуса. Ружена вмиг осушила слёзы, когда узрела жемчужное ожерелье, серьги с огромными голубыми камнями и перстень тончайшей работы с изумрудом. Только теперь отчаянные мореходы по-настоящему почувствовали, что они наконец вернулись домой. Как бы сам собою начался пир в честь удачного похода, продолжилась раздача подарков.

– Куда в следующий раз пойдёшь, Парог? – спросил кто-то из гостей.

– Думаю к осени, после Свентовидова дня, на Сицилию двинуться.

– Возьмёшь и меня с собой, брат? – стал просить Синеус. – Не хочу боле дома сидеть.

– Непременно возьму! – пообещал Парог.

– Тут, брат, гонцы от деда Гостомысла приходили, рекли, что дед нас видеть желает, особенно тебя.

– Так, сыне, – согласно кивнула мать Умила, – передали те послы слова деда, что стар он уже, не может ему, видеть тебя желает по какому-то спешному делу. Слово важное молвить хочет перед смертью, – тихо произнесла мать, утирая покотившиеся вдруг из очей слёзы.

– Ещё гонцы рекли, что неладно нынче в земле их Словенской, – добавил дядька Добромысл. – Нурманы данью тяжкой обложили, бесчинствуют, грабят. Начали с чуди, веси да мери, а потом и на словен перекинулись. А князя да бояре с купцами более всего о барышах своих думают, а не о едином отпоре врагам.

Спокойное по обыкновению чело Ольга помрачнело от этих слов.

– Выходит, нам с тобой опять по пути, а, Ольг? – хлопнул товарища по плечу Рарог. – Пойдём в Словению, в Новгород!

Три дня на отдых и сборы!

Уже к вечеру лодьи вытащили на песчаный берег, и мастеровые принялись споро ладить их после дальнего похода. Всё это время Ружена не отходила от мужа, по которому соскучилась за предыдущую долгую отлучку.

– Как же так, мыйый, только фернулся и опять уходишь? – жаловалась она.

– Ну что ты, Руженка, – успокаивал Рарог, – через

месяц вернусь, не воевать ведь еду, а к деду родному. Мать о тебе и малышке позаботится.

Дав все распоряжения по подготовке к походу в Нов-град, Рарог с Трувором, Ольгом и ещё несколькими дружинниками отправились к Дубу Прави в Священную рощу, прихватив с собой дары.

Пока шли, Рарог вспоминал о своей учёбе мальцом у волхва. Будто наяву перед взором встали образы прошлого.

— Деда, — вопрошает любопытный княжич, — а у кого я спрошу совета, коли тебя рядом не будет?

— У всех и вся! — кратко ответил Ведамир. Потом, уловив немой вопрос растерявшегося отрока, пояснил: — У ветра учись, у солнца, у воды, у человека каждого, какого встретишь.

— Как это, у каждого, — возмутился малец, — а коли злой человек, не по Прави творит, что же я и у него учиться стану?

— Добра и зла отдельно не бывает, про то мы уже с тобою не раз беседы вели. Теми речами о добре и зле лукавые папские слуги людей морочат и от истины уводят, а для нас, русов, есть либо правые деяния, во славу Рода, либо нет. У всякого человека, Рарог, можно чему-нибудь научиться. Коли он не по Прави поступает, так ты на себя оборотись и гляди, не поступаешь ли сам так же. А видишь несправедливость — пресе-

ки, вступишь за Правду. Ибо тот, кто попустительствует злу, способствует его приумножению. Никогда русич не должен проходить мимо слабого, нуждающегося в помощи, оскорблённого несправедливостью. Зло, не пресечённое в корне, порождает ещё большее зло.

— А у дерева, скажем, можно чему-нибудь научиться?

— Так ты уже сколько раз учился, вспомни, как я тебя посылал на сосну большую лазать. Вначале ты высоко не мог залезть, сил и ловкости не хватало, да и боязно было. Весь в ссадинах и царапинах был по первости, пока с деревом ладить не научился. Теперь ты вон как споро и высоко лазаешь, а мне голову морочишь, как у дерева учиться. Хватит уже попусту болтать, за стол садись, поедим и трудиться пойдём, нам ещё много чего сегодня сделать надобно....

У Священного дуба встретили крепкого бородатого старика с посохом, одетого в белое, с амулетами на груди и поясе.

— Вот, Ольг, это мой учитель, отец Ведамир, — крепко обнял волхва Рарог, — он многому научил меня.

Старец тоже был рад увидеть своего ученика и даже смахнул слезу с выцветших за долгую жизнь очей.

— Я тебя не учил, Рарог, я помогал тебе научиться! — веско заметил волхв, одобрительно оглядывая лад-

ную и крепкую статью молодого князя. Потом задержал взгляд на юном кельте. Ольг ощутил, как меж ним и старым волхвом возникла незримая, но живая связь.

– Доброго помощника боги привели к тебе, Рарог, душой чуткого, мыслями светлого, сердцем чистого. Но хитрость и коварство, – обратился он к ладожцу, – будут стараться воспользоваться твоей чистотой и открытостью, не пускай их в душу свою! В том мы, славяне, с вами, кельтами, схожи. Бог Прави запрещает нам лгать и искажать истину, мы открыто принимаем душой и сердцем весь мир божеский, и потому чуем связь с Родом своим, разумеем язык птиц и зверей, ведём беседу с ветром и солнцем. Но есть люди и целые народы, чьи боги дозволяют им хитрить, лгать, убивать сородичей, нарушать данное слово. Перед такими людьми нельзя открывать душу свою, ибо они сочтут это слабостью и сотворят тебе вред. Придёт время, и у тебя откроется третий зрак, тогда ты сможешь легко видеть ложь и отделять её от правды, как полновесные зёрна от сорняков.

Начался обряд жертвоприношения: Рарог с дружинниками, а вслед за ними Ольг подходили к Священному дубу, складывали у его подножия дары – зерно в корзинах, фрукты, овощи, мёд, читали богу Прави благодарственные молитвы, кланялись, приложив правую руку к груди.

– Дякуем тебе, отче, что сохранил нас в сём нелёгком походе, приумножил наши сокровищницы и дал силы отразить врага!

Волхв Ведамир брал часть от приношений, с молитвами бросал в Вечный Огонь, что пылал неподалёку от дуба, следя за движением дыма и пламени.

Когда обряд закончился, Олыг спросил волхва о богах, какие особо почитаемы в этой земле.

– Все племена варягов-руси чтят прежде всего богов Свентовида и Радегаста, – отвечал Ведамир. – Это древние боги света и созидания – Сварожичи. Когда Свентовид создал Явь из Нави, Свет из Тьмы, благодаря которому мир стал зримым, тогда бог Радегаст послал Мировую Уточку, чтобы она нырнула в Мировой Океан и достала землю, из которой была сотворена твердь. Потому на голове Радегаста изображалась утка. На груди его бык, символ мощи и плодородия. В руке – секира – первейшее орудие труда. Радегаст-Радогощ есть бог славянского гостеприимства, торговли и мореплавания, изобилия и плодородия. В давние времена войско вендов-вандалов во главе с князем Радегастом, принявшем имя сего бога, ходило в союзе с готами Алареха покорять Римскую империю. Радегаст был пленён и казнён римлянами. Случилось так, что спустя почти три века Радегаст, второй из Рода того самого Радегаста, стал последним кня-

зем вагров и первым князем ободритов. Ну и, конечно, мы чтим бога Прави, бога справедливости, воплощение коего есть Священный дуб, – волхв поклонился огромному величественному дереву.

– Отче, – с трепетом в голосе попросил Ольг, – дозвожь мне прикоснуться к священному дереву Перуна-Прове-Перкунаса, или по-кельтски – Перкиная?

– Я ведаю, что кельты не только железо добре понимают, но и душу разных дерев и животных по-своему зрят. Душа твоя бела, как твои власы, потому подойди, и пусть Священный дуб сам речёт ответы на твои вопросы!

Ольг медленно, даже с некоторой осторожностью, подошёл к могучему стволу древнего великана. Он стоял так некоторое время, закрыв очи, и даже на расстоянии чувствовал, как текут в сём священном древе токи земной силы вверх, к сварге, а оттуда, напротив, небесные, устремляются к матерь-земле. Он стоял, всё более проникаясь теми едиными токами, и ощущал, как они очищают тело и укрепляют душу. Всплыли слова старого колдуна из селения эстов о двух началах его, Ольга, души – противоположных, но единых. Юноша зашептал на кельтском какое-то древнее заклинание, которое слышал в детстве от бабушки, и перед закрытыми очами пронеслись видения то ли прошлой, то ли ещё несостоявшейся жизни. Тогда он

наложил обе руки на шершавую кору дерева, и едва не отнял их – в голове вспыхнуло, будто от удара Перуновой молнии, и в том мгновенном блеске Ольг узрел образы, о которых решил не говорить никому.

– Благодарствую, отче, – тихо произнёс кельт, отступил от дерева и поклонился ему, приложив правую руку к груди.

В сей миг послышался свист, и стремительные бело-пёстрые тела из небесной сини ринулись к земле, но, не долетев до неё нескольких саженей, снова взмыли вверх, а потом, описав несколько кругов вокруг священной кроны, уселись на раскидистые ветви дуба.

– Сварга, Суженый! – радостно воскликнул Рарог. Ему показалось, что со священными птицами прилетело само его детство. – Милые мои, волшебные птицы!

Отец Ведамир тут же достал из висящей на боку сумы рукавицу из бычьей кожи, надел её на шуйцу и призывно свистнул. Сварга слетела на привычное ей место, а более осторожный самец остался на ветке. Рарог подошёл к пернатой сродственнице, осторожно и даже нежно погладил её. Божеская птица притихла и прикрыла очи от того прикосновения.

– Добрый знак, коли сама Сварга с Суженым благословляют вас перед дорогой. Подойди и ты, сыне, –

оборотился волхв к Ольгу, – прикоснись к птице божеской, она позволяет. – Молодой кельт, подойдя к птахе, погладил её и что-то тихо промолвил.

– Ну, что ж, – заключил отец Ведамир на прощание, – пусть все светлые боги хранят вас на пути в Новгородскую землю. Священный Огонь предрёк, что путь сей будет непрост. Поклон от меня земле Словенской, и волхвам-братьям, её хранящим, и князю Гостомыслу многая лета!

Глава IV

Сон Гостомысла

Новгород, чуть ранее. Думы Гостомысла. Князь рассказывает свой вещий сон, и волхвы растолковывают, что боги пророчат княжеский престол старшему сыну его средней дочери Умилы Рарогу-Рюрику

«Снова тяжкие времена приспели для земли Новгородской Словенской, на которую беда приходила уже не раз. Богата земля сия, – и пушнины много в лесах обширных, и железа болотного вдосталь, и рыбы в реках да озёрах, не говоря уже о таком богатстве, как соль, которая поважнее злата для человека. Злата сколько не имей, а на зиму долгую запасов из него не заготовишь, а вот соль-то помогает человеку стужу ту длинную северную пережить и рыбой солёной, и икрой её, и мясом, и грибами, и огородиной всякой, впрок с помощью соли заготовливаемой, капустой там квашеной, огурцами. Да и люд тут, с многих концов собравшийся, знающий да умелый. Что тебе стекольного дела мастера такое вытворяют, одни обережные глазчатые бусы чего стоят! У арабских рукомысленников сначала учились, а потом и сами в Ладогe мастерские поставили, не хуже, чем в Византии. А кузнецы искусные, для коих что лемех, что меч болотный свар-

ганить, что весы-безмены, без них какая же торговля. А уж торг в Северной Словении знатный да обильный. Шутка ли молвить, главные пути из Азии через море Хвалиское и Хазарию да Булгарию по великой Волге идут в Европу через землю Новгородскую, через Волхов-реку, озеро великое Нево, а оттуда уже и в море славное Варяжское. Текут по сему пути товары, обмениваемые на серебряные дирхемы арабские, оттого путь сей Серебряным и зовётся. А другой путь, Шёлковый, из варяг в греки через Непру порожистую, снова не минет Новгородской земли. Опять же по Ловати через реку Великую и озеро Чудское, аль через Двину-реку Западную, всё в то же море Варяжское стремятся купцы к торговым градам великим Волину, Велиграду-Рарогу, Старграду, Зверину, Любеку, а уж оттуда по всей Европе расходятся, до датского Хедебю и свейской Бирки.

Только беда, она завсегда в том, что сами имеем, прячется. Коли беден человек или земля какая, так беда в бедности и хоронится. А настоящая беда, она в богатстве жить любит.

Покуда моложе был, да детьми крепкими окружён, то беду удавалось в руках держать, а вот как состарился, а дети все загнули, тяжело справляться стало и с вольницей новгородской, и с захватчиками алчными. Вольность – дело доброе, коль на общее устрем-

лено, а коли каждый токмо про своё дбает, то и в вольности беда поселяется, и ею же питаться зачинает».

Так или около того думал старый Гостомысл, дожидаясь прихода волхвов, коих он призвал на сегодня к себе. Княжеский терем был построен давно, но добротнo, дерево рубили в лесу только то, на которое указывали волхвы и шаманы – им тайна дерева открыта, и ведают они, какое будет стоять триста лет, а какое шашель побьёт да плесень одолеет уже через двадцать.

Гостомысл сидел на широкой дубовой лаве, застланной мягкими козьими шкурами, в полном княжеском одеянии – червонном кафтане, расшитом золотыми нитями и речным жемчугом, и в зелёных, так же расшитых, сапогах, соболя шапка лежала рядом. Опирался он на резной посох, на который положил не только сцепленные пальцы жилистых рук, но и подбородок. Блекло-голубые, как лепестки отцветающего льна, очи глядели куда-то в неведомое. Прямой нос на исхудавшем лице ещё больше заострился от хвори. Поседевшие власы и борода делали его самого похожим на волхва. Низко согбенная спина князя походила на буквицу «Слово» и рекла о тяжести прошедших годов и выпавших горестей и утрат. Много лет назад он, Гостомысл, был молодым и здоровым, и теремные светёлки да горницы наполнились криками и смехом ре-

бятишек. А нынче одинокая тишина да заждавшаяся кончина поглядывают из тёмных углов, торопят подгонять дела.

— Погоди, мать-Мара, скоро уже приду, вот дай только последнее на этом свете дело свершить для Новгородчины, какое я задумал, — в голос молвил старый князь. Его охоронец и ухом не повёл: ведал, когда князь просто сам с собою беседу ведёт, а когда к нему обращается. Вергун был не токмо охоронцем, но и постельничим, и собеседником, и помощником князя во всех делах теремных. Летами немолод, да крепок, будто комель дубовый, плотный, основательный.

— Пойдём-ка, братец, — кликнул князь, — в светлице малой привечать волхвов будем, в гриднице больно места много, душевности нет.

— Так уже всё готово, княже, полы метены и скоблены, лавы красными оксамитами покрыты, — ответил верный страж, подхватывая Гостомысла под локоть крепкой рукой.

— Как меркуешь-то, Вергун, — спросил князь, с помощью охоронца и посоха усаживаясь на своём резном троне, — может, стоило кого из бояр пригласить на сию беседу?

— Нет, княже, — мотнул головой охоронец, поправляя полы княжеского кафтана и соболью шапку, что сдвинулась набок. — То когда-то звание «боярин» зна-

чило «ярый воин», кто один супротив целого отряда биться может, имеет сердце чистое да клинок верный, роду своему и князю с честью служит. Так в старину было, да время течёт и всё меняет. Нынешние бояре все богатством, да почётом, да имуществом разным обросли, какая уж тут ярь?

— Есть такие, что зажирели, одышкой страдают, согласен, да совет-то дельный могут дать?

— А как могут дать совет те, кто в рабстве пребывают, не видишь разве? — искренне удивился воин. — Вот взять хотя бы Горевату, куда ж ему быть свободным человеком, ежели у него одни солеварни какую прибыль дают, а большие деньги больших забот требуют, им служить надобно, причём денно и нощно! Это, княже, крепче цепей и плетей жестоких. От цепей, бывает, избавляются и бегут, а от своих оков не сбежишь. А у него, кроме солеварен, ещё и поля огнищанские, и промысел звериный, да всё, что добыто, продать надо. А кому — хоть лешему, хоть врагу, с любым в сговор войдёт, лишь бы добро прибывало. Вот он и вертится, чтоб много чего уладить, обойти, уговорить, подкупить, да чтоб от воровства, кое всегда при больших деньгах живёт, урону не было, всего не перечислить.... Одно слово, нет того рабства крепче, чем достаток лишний. Нет, княже, сие важнейшее дело вначале волхвы решить должны, а уж потом, по их

слову, и всё остальное приложится...

— Княже, волхвы пожаловали, — доложил гридень теремной стражи.

— Зови! — кивнул князь.

Неспешно и с достоинством вошли длинноволосые и длиннобородые волхвы во главе с самым старшим седым Богумилом из Нов-града, служителем священного урочища Перынь. Следом шёл изборский волхв Древослав, улыбчивый, с добрым прищуром внимательных очей. Третьим был ильмерский волхв Хорыга, высокий кряжистый муж средних лет, которого, ежели б не длинные власы и борода, можно было принять за воина. Одеты были волхвы в свою обычную одежду из выбеленного конопляного полотна, с особенным у каждого посохом и обережными знаками на поясе и на груди. Почтенные гости прошли и, поздоровавшись с князем, чинно уселись на широкую дубовую лаву напротив Гостомысла.

— Отцы, — обратился к ним князь, — днесь о полудне зрел я сон чудный, коий вам и поведаю. Привиделось мне, яко из чрева дщери моей средней, Умилы, произросло древо велико и плодовито, и покрыло оно весь град Великий, и от плодов же его насыщахуся люди всея земли. Растолкуйте мне сей сон дивный, волхвы многомудрыя, о чём он вещует, о добром ли, о злом?

Волхвы переглянулись меж собою, пошептались,

после старый Богумил степенно изрёк:

– Вещий твой сон, княже, самими богами посланный. А означает он, что коли власть княжеская перейдёт к старшему отпрыску дочери твоей Умилы, то плодотворным да угодным земле Словенской будет то княжение. А коли так, то возблагодарим богов наших пресветлых и велемудрых, души предков наших достойных, в Сварге пречистой пребывающих, и нам, живущим, советом добрым помогающих, – веско закончил волхв.

– Верно, Рарог происходит из варягов-руси, одной с нами крови и одной веры! – поддержал волхв Древослав.

– А я супротив призвания варягов, – неожиданно подал голос молчавший до сих пор волхв Хорыга, хмуря свои и без того густые брови. – Сии бодричи, полабы, лютичи, руяне и прочие народы, что живут ныне на полуденном берегу Варяжского моря, суть венды, потому у них хоть и наша вера, но искажённая. Храмы они возводят роскошные, и богов облачают золотом, из-за того окрестные народы из зависти ведут с ними бесконечные войны. И с нурманами да франками они союзы брачные заключают. И княжение по наследству передают, а истинное правление на Руси издавна вершилось вечем, и ничем иным!

– Эге, брат Хорыга, – возразил Богумил, – не ров-

ный те времена, когда ваш Род из Сурожи два века тому сюда пришёл. Нынче время другое, и вече другое, на каждом собрании всяк кулик своё болото хвалит и норовит только в свою пользу решение принять, а до общего нет никому дела, вот и рвут нас по частям кому не лень. Для объединения нужна рука сильного князя!

— А вспомните Русколань, — горячо возразил Хорыга. — Великую державу сотворили наши предки от священной Ра-реки до Дуная синего, и тысячу лет никто не мог ту державу одолеть, и правилась она князьями, происходящими из рода Ория, и вечем народным.

— Русколань порушилась не столько от готов да гуннов, сколько от того, что русы с боруками свары начали, — заметил Древослав.

— Я и реку, — подхватил Хорыга, — венды захотели отделиться и унесли своих богов к морю, именуемому ныне Варяжским. Смешались там с франками, саксами да нурманами и многое у них переняли. На том же острове Руян у воинственных рогов отлитый из золота бог Радегаст ныне изображён в доспехах, с копьём и щитом, а на шлеме не мирная утица, а боевой петух. Из бога-созидателя, бога гостеприимства, Радогощ стал богомвоином... У лютичей он, напротив, изображён нагим, как ваяют богов по греко-римским устоям. У него великое чрево и толстый зад, чисто тебе саксонский бюргер, любитель хмельного пива! — на

сии слова волхвы и князь сдержанно засмеялись. – В знак устрашения опять же недобрых соседей, – продолжал Хорыга, – лютичи снабдили своего Радогоста львиной головой. А призови мы их князя, и придётся кланяться сим чревоугодным изваяниям, коим, рекут, варяги порой приносят человеческие жертвы! – и Хорыга с возмущением стукнул об пол своим берёзовым посохом.

– Умила была женой ободритского князя, – возразил Богумил. – Из всех тамошних племён ободриты больше всего веру древнюю сохранили, – подчеркнул волхв. – У них нет роскошных храмов и золотых богов, а молятся они Дубу Правы, как и мы Священному дубу Перуна.

– Дай-то бог, – с великим сомнением вздохнул Хорыга. – Ибо богатство и роскошь немереная – путь к гибели. Главное наше богатство – Земля-Матушка и Род Всевышний, а что лишнего, то не надобно! Только не верю я, что бодричей та смертная ржа роскоши не коснулась, – уже с уверенностью молвил ильмерский волхв. – Хоть они и под Дубом Правы молятся, а на Руян в праздник Свентовидов богатые подношения везут, как и все остальные. А скажите, чем тот храм от римских да византийских отличен? Та же роскошь, то же золото, те же жрецы, блещущие великолепием, а дух славянский, он в простоте да правде жи-

вёт! Нешто запомнили, как те же лютичи да руянцы к нам за данью хаживали, хоть и братья наши по крови и вере?! Кто брал по белке и горностаю с каждого нашего дыма? Покуда мы все не объединились и не прогнали их взащей! – рассержено закончил Хорыга.

– Прогнать-то прогнали, – молвил Древослав, – да после того междоусобицы и свары такие пошли, что до сих пор князья и старейшины друг на друга волками глядят. А сколько градов порушили, сколько народу полегло? Ладогу вон сожгли оттого, что чудь, весь да словене не могли поделить, кому она достанется. Нет, братья, супротив такого беспорядка токмо сильная рука нужна. А ободриты, они-то как раз с лютичами враждуют, и лучшего князя, чем Рарог, против них и против нурманов нам не сыскать!

– С лютичами враждуют, да с франками дружат! – возразил Хорыга. – Хрен редьки не слаще!

На некоторое время наступила напряжённая тишина.

– Я вот о чём мыслю, княже, – обратился Богумил к Гостомыслу, молча глядящему на спор волхвов, – а давай-ка для начала пригласим внука твоего Рарога в Нов-град, поглядим на него, а он на нас, речи друг друга послушаем, тогда и решение нужное боги подскажут...

– Добре, волхвы велемудрые, благодарю вас за со-

вет, за помощь, за мысли светлые! Нынче же велю отправить гонцов в Великий Рарог-град.

– А мы, княже, с другими волхвами пока перетолкуем, да с шаманами вепсскими и чудскими, они тоже добре разумеют, что порознь не выжить нам ныне, пущай старейшин своих вразумят, чтоб единым было решение, – отвечивал старший волхв.

Богумил с Древославом выходили из гридницы князя, продолжая тихо обсуждать меж собой сон Гостомысла, только ильмерский волхв Хорыга, идя вослед, был мрачен и не участвовал в сём разговоре.

Глава V

Оберег Ефанды

Рарог идёт в Новгород. Знакомство с Ефандой, сестрой Ольга. Кельтский оберег. Мать сообщает Ольгу о замужестве Велины. Предложение деда о княжении неожиданно для Рарога. Он просит время подумать и посоветоваться с богами и старейшинами. Старцы одобряют решение, и Рарог отправляется обратно. Сон Гостомысла не нравится боярину Горевате и купцу Сквырю, но особенно сыну старшей дочери Вадиму, принявшему латинскую веру. Он видит на новгородском престоле себя

Ольг был, как всегда, молчалив, но чуткие его сотоварищи зрели внутреннее волнение кельта. Оно и понятно, после трёх лет скитаний увидеть родные места и близких... Лодьи уже вошли в Волхов и осторожно двигались по его руслу. Мимо проплывали холмистые берега, поросшие орешником и сосняком. Порой на каком-то взгорке появлялась рябина или черёмуха, будто весёлые любопытные девицы выбегали поглядеть на сильных, пропитанных морем и запахами дальних стран витязей.

— Вот, княже, сейчас за тем мысом моё Приладожье, — молвил Ольг чуть осипшим голосом, — селе-

ние невеликое, не то что ваша Гардарика, но места у нас... да о чём речь, родина завсегда лучше любой заморской красоты...

— Пути здесь торговые, наверное, купцы в селении твоём живут? — полюбопытствовал князь.

— Не все, и рыболовы есть, и охотники, и кузнецы, — взгляд Ольга потеплел, вспомнив дядьку Кряжа. — Лён наши растят, овец разводят. Ну и торговля, само собой, склады для товаров имеются, особенно пушнины, дядька Бажан её у вепсов да чуди за бусины глазчатые скупает, а в Булгарию и Хазарию за серебро продаёт... — очи кельта ещё более увлажнились. — Пристань есть, ремонт лодий какой-никакой производим... — Ольг не заметил как ушёл в воспоминания, и уста его сами собой растянулись в улыбке.

— Весёлое что вспомнил? — спросил Рарог.

— Да поселение наше, считай, первое на пути из устья Волхова. Вот наш-то дядька Бажан всегда старается купцов, что со стороны озера Нево идут, окрутить, и речёт им, будто по случаю непредвиденному всё по дешёвке продаст пушнину, а в Ладого, мол, она на треть дороже. Кто верит, потом костерит его словами недобрыми, потому как часто оказывается, что в Ладого пушнина дешевле. Сейчас придём, точно тебя обхаживать начнёт!

— Ну ты ведь упредил, — засмеялся Рарог. — А твой

отец, он чем занимается? Ты, помнится, говорил, что приходишь из волховского рода, он, верно, кельтский жрец, друид?

– Нет, он не пошёл по стезе жрецов. Отец многое умеет, но в последнее время ткачеством с матерью занялись, из шерсти, льна, конопли полотно делают и рубахи шьют и паруса. А ещё масло льняное да конопляное отжимают, иногда мы живицу сосновую собирали, коли добрый заказчик попадался... – глаза кельта опять блеснули, а голос дрогнул.

С ещё большим волнением Ольг ступил на родную пристань Приладожья, таким его князь не видел даже перед битвой. Его беловолосый соратник то и дело оглядывался по сторонам и даже, прикрывая очи, ловил воздух ноздрями. Они пошли вдвоём по улице к дому недавнего викинга, не дожидаясь, пока пристанет к причалу вторая лодья под началом Трувора. Ольг шёл скорой походкой, боясь, что его увидит кто-то из родичей тех приладожцев, которые ушли с ним на «Медведе».

Радости родителей не было предела, они бросились обнимать запропавшего сына. Мать утирала светлые слёзы, отец хлопал по плечам и груди возмужавшего наследника, исполняясь гордости за его

крепкую статью.

– А что ж ты безбородый, али не растёт? – подначил отец гладко выбритого сына, но потом взглянул на Рарога и только качнул головой.

– Когда я был викингом Хвитрбартом, у меня была борода, – отвечал, смеясь, Ольг, – а у Рарога это не принято.

– Мы воины, – отвечал Рарог, – жертвуем свои волосы богу Перуну, и он покровительствует нам в битвах.

– А где же Ефанда? – спросил Ольг, когда прошли первые мгновения бурной встречи, раздачи подарков, знакомства с Рарогом и последовало приглашение к столу.

– В лесу она, травы собирает, а когда будет – неизвестно, может, к вечеру, а может, и через два дня, – ответил отец, муж крепкой стати с покатыми плечами и такими же, как у Ольга, бело-золотистыми волосами.

– Жаль, если не свидимся, – молвил Ольг, усаживаясь за крепкий дубовый стол в широкой горнице на знакомое место, – я ей подарок привёз...

– Ты, сыне, кликни народ-то к нам за стол, сколько поместится, столько и зови! В тесноте, как говорится, да не в обиде!

– Не переживай, дядька Дубрен, – обратился к нему Рарог, – мои воины уже заботятся о себе, костры раз-

водят, кашу варят, припасов у нас хватает!

– Ну, с братом-то своим познакомишь, да с корми-
щиками? Давно мы таких именитых гостей не приве-
чали, шутка ли, внуки самого Гостомысла пожалова-
ли из-за моря Варяжского! – качал головой Дубрен. –
Ну, рассказывайте, как течёт ваша жизнь заморская, –
рёк он, когда несколько варяжских мореходов уселись
за столом.

Мать, видимо, из местных словен, русоволосая, с
голубыми, как лесные озёра, очами, хлебосольная и,
по всему, мягкого характера, суежилась с угощениями.

– Да вы пробуйте-то всё, что на столе есть, уж про-
щения просим, не ждали ведь, потому и нет особых
разносолов, мы люди простые, а тут сам Радогощ та-
ких гостей послал, – переживала хозяйка за скром-
ность стола. – Вот грибочки наши, рыбка свежая со-
всем, я у соседа взяла, у Глобы-то, – кивнула она сы-
ну, – прямёхонько с лодки. Мы его коноплянým жмы-
хом снабжаем для ловли, а он нам за это рыбу свежую
к столу. Вот печёная, а это жареная на нашем льня-
ном масле. Скоро уж и дичь поспеет. Вы-то молодые
да крепкие, вам добре есть надо, притом с дороги... –
всё частила не помнящая себя от счастья мать Ольга.

«Наверное, дочь на мать похожа, – подумал Ра-
рог, – небось, такая же говорливая да хлебосольная».

– Вы, молодёжь, перво-наперво сига нашего вяле-

ного отведайте, такого больше нигде не встретите, да и прочая рыбка у нас другой вкус имеет, чем морская, вот и поравняйте с той, что вам в иных местах отведавать приходилось, – степенно рёк широкоплечий хозяин дома. – Кто из вас женат, аль нет? – хитро глянул он на молодых воинов.

– Я жену имею и дочь, а что? – спросил Рарог.

– И я, – отозвался кормщик.

– Тогда вам вот это почаше есть надобно, – молвил, улыбаясь, отец Ольга, пододвигая к князю плошку с какими-то мелкими семенами. – Сейчас попробуйте чуток, а как назад отправитесь, так дадим с собой непременно, это семя конопляное жареное, оно тем, у кого жена есть, весьма полезно, – молвил, подмигнув, хозяин.

Едва он это вымолвил, как скрипнула входная дверь, и в горницу скорым бесшумным шагом вошла юная девица лет пятнадцати-шестнадцати. Босоногая, в льняном платье с мелкой вышивкой по кромке подола, на груди и оплечье, она оказалась совсем не похожей ни на русоволосую плотного сложения мать, ни на могучего отца. Тонкая, подвижная, бело-волосая и зеленоглазая, она смерила гостей пытливым взглядом, остановившись на брате. Казалось, радость его возвращения смешалась с некой внутренней тревогой, которая остановила девушку на пороге

и препятствовала открытому выражению чувств. Да ещё столько гостей... Обычно невозмутимый Ольг тоже заметно заволновался и поспешно принялся рыться в своей походной морской суме из тюленей кожи. Затем, подойдя к сестре, вместо приветствия повесил ей на шею необычное ожерелье, свитое из тонких серебряных нитей. Концы его были разомкнуты и завершались головами полуптиц-полуженщин, глядящих в разные стороны.

– Я возвращаю тебе торквис, как обещал, – молвил Ольг, но сестра вряд ли слышала его слова. Она замерла, осторожно прикоснулась перстами к подарку, очи её были закрыты. Рарогу вдруг показалось, что по неподвижному стану девицы пробежала какая-то невидимая волна, а когда Ефанда наконец подняла ресницы, молодой варяг поразился свершившемуся преображению. Вместо озорных зелёных очей на него смотрели глубокие смарагдовые омуты, в которых не осталось ни озорства, ни детскости, напротив, будто сама мудрость безвременья глядела на князя, пронизывая его всего: нынешнего, прошлого и будущего. Сильный муж и опытный поединщик, он не мог ни отвести своих очей, ни противостоять неведомой силе. Когда Ефанда наконец отвела взгляд и, повернувшись к брату, спросила: «Где добыл?», Рарога «отпустило», но волна непривычной слабости ещё несколь-

ко раз прошла по телу.

– Не заботься, не в бою и не силой, – стараясь спокойно выдержать взгляд сестры, ответил воин. – Тот, что ты подарила, спас мне жизнь, но я его лишился. Когда же мы с купцами и Рарогом, – кивнул на варяга Ольг, – пришли в Галлию, где ещё встречаются старые мастера, что могут сделать настоящий торквис, я с большим трудом нашёл такого. Но мастер не делал женских оберегов, ведь это другая, женская магия. Я уже отчаялся, когда в день отплытия ко мне подошла женщина – не старая и не молодая, произнесла по-кельтски только одну фразу: «Это для твоей сестры» и подала мне этот торквис. Я спросил, сколько он стоит, но женщина лишь улыбнулась в ответ, как улыбаются несмышлёным детям, и повернулась, чтобы уйти. Тогда я взял её руку и вложил в неё свой кошель, все деньги, которые я получил за охрану купцов до галльской земли...

Ефанда ещё мгновение испытывающее смотрела в очи брата, а потом, не сказав ни слова, стремительно, как и вошла, покинула светлицу.

Ольг снова принялся что-то искать в своей дорожной суме.

– Княже, я схожу, товарища провести надобно, давно ведь не виделись, – отчего-то отводя взор, молвил Ольг.

По челу матери пробежала тень.

– Сыне, погоди, мне тебе сказать нужно... – Она поднялась из-за стола и, подойдя к Олегу, что уже стоял у двери, что-то тихо зашептала ему. Чело воина враз помрачнело, могучие рамена опустились, он с трудом выдавил из себя только:

– Неужто правда, мама? – Он постоял в нерешительности у двери, потом с трудом, будто тяжело раненый, перешагнул порог. – Я должен её увидеть! Пусть сама скажет!

– Сыне, её нет в Приладожье, – мать вышла следом, затворив дверь. – Замужем она за вельможей важным в Изборске, рекут, будто княжеского роду. Отец-то её вскоре после свадьбы всё тут продал и тоже с семьёй в Изборск подался, под крыло, значит, зятя, бают люди, большим купцом там стал... – всё звучал и звучал в голове мягкий грудной с жалостливой дрожью голос матери.

Ольг шёл по родному селению, не видя и не слыша ничего вокруг. Наконец он оказался в березняке, что примыкал к деревянной ограде двора, где жила ОНА. Тот же березняк, тот же дом, и та же ограда, только ЕЁ нет! Она более не выйдет на его зов, он не коснётся её дивного точёного стана, не прильнёт устами к её устам... Кто-то чужой сейчас обнимает её и... не только обнимает... – От таких мыслей Ольг качнулся

и, держась за белый стан берёзки, опустился на колоду, которую когда-то сам притащил сюда, чтобы сидеть тут вдвоём, тесно прижавшись и полыхая внутренним огнём от прикосновений её упругого, горячего даже сквозь одежду, тела.

Воспоминания о милой, которые согревали все эти годы и давали силы, теперь рвали душу на части, словно клыкастые лютые звери. Что-то твёрдое попало под руку – ведь это же подарки для НЕЁ! И снова боль сжимает сердце, а телу опять чудятся её объятия, взоры и горячее дыхание, как это было три долгих лета тому назад. «Берёза, – коснулся Ольг тонкого ствола-стана, – ты всё помнишь, ты всё хранишь, только зачем теперь эта память, что приносит такую боль?» Ольг вскочил и зашагал прочь от места их свиданий, не разбирая в наступившей темноте ни промозин, ни камней. Он шёл, спотыкался, несколько раз едва не упал, но не замечал этого. Горе сделало душу слепой и глухой. Юный воин даже не заметил, как оказался на берегу, на том самом камне, где сидел когда-то давно ещё в ТОЙ жизни после неудачного свидания с НЕЙ. На ощупь подобрав первый случайный камешек, Ольг швырнул его в блеснувшую под луной воду.

– Братец, почто водяника-то тревожишь? – услышал он голос и вздрогнул. Всё повторилось, как то-

гда, сейчас побежит малец с криком: «Нурманы, нурманы!»).

Однако никто не побежал и не закричал, только рядом на камень тихо, словно невесомая пушинка, опустилась Ефанда. Они долго молчали.

– Что теперь с этим делать, ты ведь не возьмёшь? – протянул он сестре завернутые в шелковый плат подарки для Велины.

– Не возьму, это каменья чужие, да мне ведь кроме торквиса и не положено ничего носить, сам ведаешь...

– Тогда пусть сие будет жертвою водянику с русалками! – решительно молвил Ольг и, поднявшись, с силой бросил свёрток подальше в воду.

– Пусть и боль твоя, братец, сокроется водой вслед за дарами жертвенными! – тихо, но твёрдо, как произносят заклятья, молвила сестра.

– Благодарю, сестрица, – вздохнул Ольг.

– Чего волю сердцу-то дал? Ведь я тебе ещё когда рекла, да ты и сам ведаешь, однако признаться не желаешь, что не твоя она, и ты не её. С ней ты не исполнишь предназначенья, начертанного для нашего Рода, – строго выговаривала Ефанда.

Перед очами Ольга возникли образы, виденные им в ободритской Священной роще у Дуба Прави. Сестрица, как всегда, зрит истину.

– Снова ты со мной речёшь, будто старшая, отчего так? – спросил Ольг.

– Оттого, что я роду женского. Великая мать, богиня Дану, наделила всех кельтских жён искусством магии, врачевания и мудрости, дабы они хранили наш древний Род. Так что я всегда старше тебя буду. Ну иди, а то все уже заждались тебя, и отец с матерью, и сей ободрит с соколиными очами... – Ефанда встала и ушла так же мягко и тихо, словно лёгкий предутренний ветерок сдул тополиную пушинку.

Ольг вернулся в отчий дом, когда стало сереть на восходе. Во дворе за столом под раскидистой липой он увидел Парога. Тот сидел один в задумчивости и, видимо, тоже не спал эту ночь.

– Княже, давай, как только рассветёт, дальше двинемся! – предложил кельт, садясь напротив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.